

ЗАПИСКА АНКЕ

Николай Николаевич Шпанов

Записка Анке (сборник)

Серия «Военные приключения»

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39155452

Записка Анке; Вече; М.; 2015

ISBN 978-5-4444-7908-7

Аннотация

Конец второго десятилетия XX века. В Северный Ледовитый океан практически одновременно отправляются две экспедиции: американцы пытаются пройти подо льдами на подводной лодке, немцы и норвежцы выбирают дирижабль. Однако есть среди ученых и люди, заинтересованные в том, чтобы прибрать к рукам богатства этого никем еще не исследованного сектора советской Арктики, и ради этого способные на все. Ведь там, где замешаны большие деньги, возможно что угодно...

Роман известнейшего мастера отечественной остросюжетной литературы, книгами которого зачитывалось несколько поколений читателей.

Содержание

Лед и фраки	6
I. «Наутилус»	6
1. По рецепту Бэрда	6
2. «Наутилус» американский	11
3. Углеискатели	18
4. Подо льдом	22
5. «Наутилус» дышит	32
6. Платоническая любовь доцента	35
7. Мультанаки исчез	48
8. Кроппс сомневается в умственных способностях капитана	52
9. Соображения антрацитового короля	55
10. Зуль или доллары Билькинса?	57
11. Доллары Зуля	61
12. Поручение большой важности	65
13. Комбинация из пальцев Гисер-Зарсена	71
II. «Пингвин»	74
1. «Пингвин» садится	74
2. «Пингвин» сел	77
3. Обличение Зуля	89
4. Мультанаки кончает свой рассказ	99
5. Йельсон утверждает, что нет положения, из которого нельзя было бы выйти	101

Николай Шпанов

Записка Анке

© Шпанов Н.Н., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Лед и фраки

I. «Наутилус»

1. По рецепту Бэрда

Капитан Билькинс откинулся в кресле. Под напором крупного, крепко сколоченного тела скрипнула спинка. Такие же крепкие руки с красными кистями упирались в край стола. Тонкое, длинное лицо с гладко выбритыми щеками, тяжелым подбородком и слегка выпяченной нижней губой было подчеркнуто спокойно. Две жесткие складки около рта выделяли крепко сжатые тонкие губы.

Билькинс снял трубку переговорного аппарата и повернул рычажок на надпись: «Радиорубка».

– Мистер Вебстер?.. Мне нужно передать несколько слов капитану Бэрду... Что?.. Говорите громче, здесь очень шумят машины. Машинная буря?.. Ну ладно, все-таки попробуйте. Зайдите ко мне за текстом.

Повесив трубку, Билькинс еще раз пробежал только что составленную радиограмму:

Южный полюс, капитану Ричарду Бэрду.

Дорогой друг, вчера получил ваше радио – поздравляю от всей души, вы всегда знали, как искренне я восхищаюсь вашей отвагой и знаниями. Сегодня я покидаю Шницберген. Мой план вы знаете. Несмотря на ваше осуждение «утопии», я решил привести ее в исполнение. Глубоко убежден, что «Наутилус» без труда преодолеет путь Кингсбей – Аляска. Вспомните, что говорили нам уважаемые соотечественники перед нашими попытками форсировать Арктику на самолетах. А ведь мы с вами показали этим тугодумам хороший номер! Если удастся, я немного задержусь в секторе недоступности. Когда будете покидать Антарктику, сообщите мне. Шлю привет и желаю дальнейшего успеха.

Всегда ваш капитан Билькинс.

В стальную дверь капитанской каюты постучали. Вошел Вебстер.

– Вебстер, дружище, постарайтесь передать. Не нужно, чтобы капитан Бэрд подумал, будто мы не хотим замечать его успеха.

– Есть, сэр.

Билькинс вышел на палубу лодки. Было светло, как днем, несмотря на второй час ночи. Прозрачные хлопья тумана ползли по голым горам, отделяя их верблюдьи подошвы от сахарных вершин. Тесной грядой сошлись эти вершины вокруг темного зеркала воды, образуя гигантскую сверкающую корону над заливом Кингсбей. Острые, как зубья пилы, беспредельной чередой уходили горы в том направлении, отку-

да навстречу им сбегала белая река Лисьего ледника. Поднимаясь своими истоками далеко в глубь Западного Шпицбергена, этот мощный ледник устьем ниспадает в гладкую поверхность Кингсбейского залива. Огромные заледеневшие в своей голубизне струи убегают под воду, в глубину залива. Только когда подточенные волнами края глетчера с грохотом низвергаются, отщепляя от ледяной стены слои в несколько метров толщиной, только тогда оживает этот, точно нарисованный на каменном фоне берега, ледопад.

Билькинс любил в долгие бледные ночи, когда мучили сомнения, когда роились в голове все новые и новые варианты плана похода, не отрываясь, смотреть на мощную стену ледника. Терпеливо ждал он, когда, наполняя ущелье ужасающим грохотом сокрушительных глыб, низринется очередной ледопад.

Это было куда интереснее, чем скучный серый поселок Нью-Олесунд. Его домики казались такими ничтожно-маленькими, плюснутыми в голую почву неприветливой каменистой долины. Мороз продирает по спине при мысли о тех, кому суждено провести здесь долгую полярную ночь. В особенности если эта ночь была третьей – последней – ночью, предусмотренной контрактом с угольной компанией.

Поселок никогда не спал. Круглые сутки шла работа в шахтах. Круглые сутки работала столовая. День и ночь хлопала дверь рудокопской лавчонки. И все-таки люди были здесь всегда сонными, вялыми – через силу двигали нога-

ми в резиновых сапогах. На них было тоскиливо смотреть, и Билькинс избегал глядеть в сторону Шпицбергенской резиденции губернатора.

Когда Лисий ледник обрушивался на глазах Билькинса и нельзя было надеяться, что в ту же ночь увидишь повторение этой ледяной феерии, американец поворачивался к островерхим Шпицбергенским горам. Вдали исчезали вершины Митры, Магдалины, Трех Корон, а совсем рядом, над самой головой, на бледно-сером небе четко проектировалось нагромождение черных бревен угольной эстакады. Бессонные паровозики то и дело подтаскивали к самому ее концу вереницы вагонеток, и уголь с грохотом низвергался черной лавиной в стоящий под эстакадой пароход-угольщик.

Билькинс знал наперечет все бревна этой эстакады. Вторую неделю его «Наутилус» стоял пришвартованный к бревенчатому дебаркадеру. Ни на один час не было покоя от гроыхания угольных вагончиков и сыплющегося угля. Большая часть экипажа избегала ночевать на лодке и уходила на квартиры, отведенные ей в домах администрации кингсбейских копей. Но Билькинс предпочитал всегда оставаться в лодке. Билькинс не любил любопытных, а стоило ему уйти, как, вернувшись, он обязательно заставлял вахтенного в приятной беседе с местным техником Тисс – шпицбергенским корреспондентом «Нью-Йорк Хералда». Билькинс боялся шума. Он боялся газетных предсказаний.

Сегодня Билькинсу не спалось. Через несколько часов

придут его спутники. Начнется суета. Пойдут последние приготовления перед отходом. Некогда будет раздумывать. А поразмыслить было о чем. Билькинсу не везло. Каждый раз, когда он задумывал какое-нибудь смелое предприятие, на его пути вставала бездна всяких препятствий. Почти всегда не хватало денег на проведение плана в исполнение. То ли дело Бэрд – этот парень родился в рубашке. Стоит ему только заикнуться о своих намерениях, как кругом уже открываются кошельки...

– Сэр, – слышалось за спиной Билькинса. Из люка выглядывал Вебстер. – Сэр, я передал.

– Спасибо, мистер Вебстер. Идите-ка спать. Работы сегодня будет по уши.

– Значит, пойдем, сэр?

– Да, пойдем.

Над головой прогремел угольный поезд. Паровозик отрывисто свистнул и побежал обратно по эстакаде. Билькинс осмотрел горизонт и спустился к себе. На маленьком рундуке, заменявшем письменный стол, Билькинс разложил дневник.

Бэрд говорит, что 13 – самое счастливое число. Хочу воспользоваться его рецептом. Авось хоть под водой-то я преодолею первым...

2. «Наutilus» американский

Коренастый сухой старик среднего роста медленно шел по краю помоста, настланного под эстакадой. Старик шел медленно, уверенно ступая ногами, обутыми в тяжелые сапоги. Иногда он останавливался, с видом хозяина оглядывал ту или иную деталь сооружения. Если ему что-нибудь не нравилось, он бурчал себе под нос несколько слов и неодобрительно качал головой, задумчиво почесывая короткую седую бородку.

Над головой старика прогрохотали вагончики. Несколько маслянистых черных кусков застучали по доскам настила. Старик остановился, поднял один из кусков, взвесил его на ладони, понюхал, поцарапал ногтем. Разломил его короткими сильными пальцами. Внимательно разглядывая излом сквозь толстые стекла очков, покачал головой:

— Я говорю еще раз с полной определенностью, что Норвегия должна искать другие месторождения угля, если она не хочет ввозить его из-за границы... Шпицбергенский уголь слишком плох... да, слишком плох. Какая ирония судьбы: я, глава угольной компании и министр по делам Шпицбергена, я, первый из первых бросивший лозунг об использовании ископаемых богатств этого острова, должен теперь первым же поднять вопрос о том, что наша страна обязана отыскать другие месторождения...

Вблизи старика послышались медленные шаги. Навстречу ему шел Билькинс. Увидев старика, он приветственно махнул рукой:

– А, доцент Зуль, доброе утро. С кем это вы беседуете?

– Увы, пока только с самим собой, капитан.

– И, наверно, все о том же?

– Конечно, как всегда, – геология. Ну, а как с нашим отходом, капитан?

– Все благополучно. Часа через два милости прошу на борт.

– А сейчас вы заняты?

– Ничем, кроме собственных мыслей.

– Вы не уделите ли мне часок на объяснение вашего судна?

– Отчего же!

Стуча сапогами, доцент Зуль и капитан Билькинс пошли к ошвартованной у конца эстакады подводной лодке. Над ее корпусом вился черный дымок, и из глушителя неслись частые хлопки дизеля. Шла зарядка аккумуляторов. Привычным движением капитан Билькинс скользнул по поручням в открытый люк рубки. Не спеша и соразмеряя каждое движение, Зуль последовал за ним.

– Предупреждаю: все, что вы увидите, ничего общего не имеет с Жюлем Верном, это все – мое. Вот это командирская рубка, – сказал Билькинс, обращаясь к спутнику, – здесь помещается так называемый центральный пост. У команди-

ра сосредоточено все управление лодкой. Видите, вот этими маховичками я управляю движением перископов. Любой из них я могу выдвинуть вверх на восемнадцать метров. Хотя я и не собираюсь идти в погруженном состоянии, если будет малейшая возможность идти на поверхности, но в случае непосредственного соседства со льдами перископы могут сослужить мне большую службу и избавить от многих сюрпризов.

Вот эти циферблаты говорят мне о скорости движения судна относительно среды. Это, конечно, не решает задачи о счислении, так как течения делают путевую скорость далеко не всегда равной технической скорости судна. Но, зная скорость и направление течений, я в большинстве случаев могу внести необходимые поправки в показания лага. Впрочем, такого опытного морехода, как вы, мне учить не приходится.

Здесь вы видите глубомер. У нас он рассчитан на сто пятьдесят метров. Едва ли нам придется погружаться на большие глубины. Разве только для того, чтобы произвести какие-нибудь работы на дне.

Тут целая батарея переговорных аппаратов, соединяющих меня со всеми членами экипажа, обслуживающими ответственные механизмы. На случай порчи этих аппаратов имеется и простой машинный телеграф с набором наиболее употребительных команд. Этот красный рычаг? Это включатель резкого звонка, проведенного во все уголки лодки. Звонок означает команду: «К погружению!» Когда раздается этот

звонок, немедленно задраиваются все люки, все отдушины, вообще все отверстия, сообщающие внутренность лодки с атмосферой. Одновременно команда становится на свои места, к аппаратам, регулирующим погружение судна.

Наконец, вот здесь, на особой доске, размещены приборы, которых вы не можете видеть больше ни на одной лодке в мире, – это, так сказать, органы чувств моего «Наутилуса», когда он идет в погруженном состоянии без перископа. Вот два циферблата буферных зондов – носового и палубного. Как только один из этих зондов коснется чего-либо, а под водой этот посторонний предмет может быть только препятствием, то здесь у меня загорятся красная или синяя лампочки и автоматически включится механизм, переводящий реверсивную муфту двигателей на задний ход. Получая таким образом интенсивное торможение, мы обеспечиваем себя от столкновения. Но этого мало, в том случае, если преграда представляет собой какую-либо скалу, отмель, террасу морского дна, вообще почву, непосредственно сообщающуюся с земной корой, я узнаю об их присутствии на пути лодки задолго до того, как произойдет столкновение; для этого служат чувствительные магнитные приборы, установленные на конце буферов. Только в том случае, если препятствие представляет собой ледяное образование, выставленные далеко вперед щупальца моей лодки не почувствуют их заранее.

Чтобы иметь представление о том, что делается под нами, как далеко от нас отстоит морское дно, и быть застрахован-

ным от возможных сюрпризов с этой стороны, мы постоянно будем иметь под собой вытравленный на глубину ста метров чувствительный лот.

Но и это все нас не удовлетворяет— мы хотим иметь возможность видеть простым глазом пространство впереди себя, даже когда мы погружены ниже перископа. Для этого я включаю вот этот рубильник. Сноп света силой около ста миллионов свечей будет сопровождать мой перископ, и я буду видеть все, что делается вокруг меня на расстоянии, по крайней мере, ста метров. Вы думаете, может быть, что по миллиону свечей на метр пространства это несколько роскошно? Но я предпочитаю такой расход энергии слепоте. Право, Сперри не так плохо сделал для нас этот самый миниатюрный прожектор в мире.

Теперь перейдите сюда, доцент. Вот то, что в свое время послужит, может быть, дыхательным горлом для всех нас. Отсюда может подняться на высоту десяти метров над верхней палубой телескопическая труба, имеющая на своем конце бур достаточной силы и прочности, чтобы просверлить поверхность самого твердого льда на протяжении, по крайней мере, трех-четырех метров. Если бы такая ледяная корка заперла нас под водой на больший срок, чем мы можем обойтись своим запасом воздуха и зарядом наших аккумуляторов для электромоторов, то мы подойдем к нижней поверхности морского льда и, сделав в нем вот этим буром отверстие диаметром почти в двадцать сантиметров, засосем столько све-

жего воздуха, сколько нужно нашим двигателям, чтобы возобновить энергию аккумуляторов. Что будет в том случае, если почему-либо мы не сможем пробуравить лед этим буром? Да, право, ничего страшного – вместо бура мы пронзим ледяную корку раскаленной платиновой проволокой и вырежем из льда кусок такой величины, какой нам захочется, – хотя бы для того, чтобы выпустить вас наверх, для прогулки на лыжах. Что? Вас смущает возможность встречи и нашего бура, и платиновой проволоки с айсбергом таких размеров, что они окажутся перед ним бессильными? Во-первых, доцент, вы лучше меня знаете, сколько шансов встретить такие айсберги вкрапленными в ледяные поля на нашем пути. Во-вторых, уж если этакая неприятность случится, то я не придам ей большого значения – айсберг задержит нас на лишний час, не больше. Вот подойдите сюда. Вы видите этот массивный колокол, как бы прилепившийся к палубе лодки? Это камера для выпуска водолаза. После того как водолаз войдет в колокол, давление в кессоне поднимается до такого, какое имеет место в данный момент за бортами лодки. Таким образом, забортная вода не может устремиться в кессон, когда в нем откроется люк для выхода водолаза наружу. Этим ходом наш водолаз выйдет наружу для того, чтобы минировать айсберг. Отойдя на километр от минированного айсберга, мы вот этой радиоподрывной машинкой Сименс-Телефункен взорвем заряд, и ваш айсберг разлетится на мелкие куски.

Теперь последний вопрос, могущий вас интересовать. Мои противники почему-то придавали особенное значение трудности подводной навигации и счисления пути. Я уверен, что все их опасения мы самым лучшим образом опровергнем на практике. Я уже не говорю о том, что жироскопические компасы дадут нам возможность всегда проверить показания магнитных компасов, но мне кажется, что все наблюдения, произведенные над работой обыкновенных магнитных компасов в крайних северных широтах, не дают оснований опасаться за их показания. Помните, доцент, как ваш славный соотечественник Амундсен боялся за магнитные компасы, отправляясь в свою первую воздушную атаку на полюс, и как он ошибся в своих опасениях? Я думаю, что благодаря целому ряду остроумных приборов, сконструированных для нас крупнейшими американскими и европейскими фирмами, и непреложности выводов нашей матери-математики мы не встретим и здесь никаких затруднений. Во всяком случае, таких, которые бы заставили меня опасаться, что мы можем заблудиться. Я скажу вам больше, из-под воды я дам вам возможность снестись по радио с любой европейской и американской радиостанцией. В этом порукой наш милейший Вебстер. А вот, кстати, и он сам. Как дела, мистер Вебстер? – повернулся Билькинс в сторону вошедшего в главную рубку радиста.

– Как всегда, сэр.

– То есть отлично?

– Ну, само собой разумеется, сэр.

– Видите, доцент, у нас иначе не бывает. А вот, Вебстер, познакомьтесь – доцент Зуль, норвежский геолог. Он идет с нами для того, чтобы в зоне недоступности поставить норвежскую угольную заявку. Ведь правда неплохо задумано, Вебстер, – начинать с угольной заявки?

Вебстер усмехнулся, протягивая руку Зулю.

– А еще говорят, что мы, янки, самый практичный народ.

Билькинс рассмеялся, наполняя раскатистым хохотом лодку. Из-за переборок выглянуло несколько измазанных маслом физиономий. Глядя на капитана, они тоже стали улыбаться.

Оборвав смех так же резко, как он начал хохотать, Билькинс деловито бросил Зулю:

– Однако, доцент, пожалуй, пора и собираться. Сколько времени вам нужно, чтобы закончить свои дела в Кингсбее?

– Не больше часа.

– Олл райт! Через час вы будете здесь.

3. Углеискатели

Доцент Зуль поспешно разбирал бумаги, лежащие перед ним на большом письменном столе. Ни этот стол, ни вся уютная, почти роскошная обстановка кабинета нисколько не напоминали о том, что дом, в котором сидел Зуль, находится в городе Нью-Олесунд, в норвежском угольном поселке на

берегу бухты Кингсбей. Ни внешне – по своим размерам и стилю, ни внутренним убранством и комфортом этот дом не был похож на обступившие его скромные дома администрации, ни тем более на расположенные на другом конце поселка приземистые, обшитые со всех сторон толем бараки рабочих. Это был директорский дом.

Директор рудника, плотный седой мужчина большого роста, сидел рядом с Зулем и внимательно выслушивал его последние распоряжения.

– Итак, милейший Андерсен, инструкции коротки и просты. Вы немедленно отправляетесь в Осло и там ждете моих известий. Если окажется, что путь к предполагаемым островам неисследованной зоны действительно доступен и я сумею поставить там норвежские заявки, вы немедленно ведете дело условленным образом, и в стортинге делается запрос о правах Советской России на недра еще не открытых ею земель. Здесь нужна величайшая настойчивость. Если надежды на успех будут мало, трактуйте мои заявки как заявки англо-норвежские. Это менее выгодно, но, пожалуй, более верно. А уж там дело английской стороны – настаивать на своих правах. Им это легче.

На минуту задумавшись, Зуль продолжал:

– О ваших сомнениях в практическом смысле этих заявок мы поговорим позже. Я совершенно убежден, что, коль скоро на островах найдется приманка, мы научимся до нее добираться. Разве не казался прежде и весь наш Свальбард та-

ким же неприступным? А, как видите, не только мы, но все, кому не лень и у кого руки подлиннее, добрались сюда за нашим углем. Давайте, дорогой Андерсен, постараемся, по крайней мере, хотя бы на новых-то местах избегать таких неприятностей, как советские углепромышленники.

Директор Андерсен пыхнул сигарой и сомнительно покачал головой:

– Я целиком с вами, дорогой доцент, но не мне вас учить тому, что эти господа не уступят ни пяди земли в своем секторе.

– Андерсен, мы прежде всего не должны ждать никаких уступок: здравый смысл и сила – вот единственные аргументы, на которые следует полагаться. Распределение аргументов простое: наш здравый смысл, английская сила.

– Ну что же... – Андерсен пустил кольцо дыма.

Зуль протянул руку:

– Мне пора. У вас тоже времени не так много?

– Да, завтра уходит угольщик.

– Привет нашей дорогой Норвегии.

Андерсен кряхтя встал и молча потряс руку Зуля. В широко распахнувшуюся дверь вошла горничная с подносом. На нем стояли две маленькие рюмки с прозрачной жидкостью.

– Последнюю рюмку норвежской аквавит, доцент.

Зуль поднял рюмку:

– Скооль!

– Скооль! – ответил Андерсен и вздохнул.

Вдруг, не допив своей рюмки, Зуль спохватился:

– Чуть не забыл, Андерсен, – он порылся в бумажнике, – я заготовил здесь сообщение для прессы. Пошлите его сегодня же в наше телеграфное агентство.

Зуль передал Андерсену листок. Аккуратным старческим почерком там было написано:

Норвегия принимает участие в экспедиции капитана Билькинса. Известно, что Норвегия всегда шла впереди всех на пути научного исследования ледяных просторов Арктики, и всякий знает, что в этой исследовательской деятельности Норвегия была всегда самым бескорыстным из пионеров. Она дала самых смелых и испытанных полярных путешественников: плодами их работ пользуются ученые всего мира.

Из авторитетных источников нам сообщают о том, что и на этот раз стремление пополнения научных сведений о полярном бассейне толкнуло норвежского ученого отправиться с рискованной экспедицией в неисследованную область, известную под названием «сектора недоступности». Доцент Зуль из Осло отправляется на подводной лодке капитана Билькинса. Как нам сообщили в Институте изучения Севера, которым руководит доцент Зуль, последний отправляется на север с чисто научными целями. Это двадцать седьмое полярное путешествие нашего уважаемого доцента.

4. Подо льдом

Маленькая кают-компания «Наутилуса» не могла вместить всего экипажа, и поэтому ели посменно. Зуль и Билькинс обедали в третьей смене. Стальные переборки тесного помещения гулко отбрасывали голоса обедающих, и все-таки слова терялись в непрерывном мощном дыхании моторов, наполнявших всю лодку плотным, почти вещественным гудением. Фокстротные выкрики граммофона тонули в этом гудении так же, как и человеческие голоса.

Окончив еду, Билькинс поднялся на верхнюю палубу. Здесь уже грелись под косыми лучами солнца несколько человек экипажа.

Следом за Билькинсом вышел и Зуль. Путешествие на подводной лодке было для него полно всяческих неожиданностей. Теперь он с интересом наблюдал за быстрым ходом судна, рассекавшего острым носом темную гладь Баренцева моря. Пена вздымаемых форштевнем волн лизала палубу, почти касаясь ног Зуля. Казалось, стоит воде сделать малейшее усилие, и она покроет всю палубу, захлестнет невысокую рубку и с грохотом ворвется в широко открытые люки судна. Зуль даже попятился от воды, такой сокрушительной показалась ему мощь темных пологих волн по сравнению с плескавшейся в них маленькой серой сигарой.

Но члены экипажа держались так уверенно на низкой тес-

ной палубе, что и Зуль стал мало-помалу осваиваться. Билькинс непринужденно сидел на краю командирского мостика, свесив ноги за борт. Он набивал трубку черным пахучим табаком, когда над его головой раздался крик вахтенного:

– На горизонте лед!

Билькинс вскочил и взялся за бинокль.

– Где вы видите лед, Скрипе?

– Начинается на два румба влево от курса, сэр.

– Ага, вижу... Мистер Зуль, как вы думаете, насколько серьезно это препятствие?

Зуль поднял на лоб толстые стекла очков и уставился вдаль своим большим цейсом. Медленно обвел горизонт:

– Мне кажется, что поле тянется очень далеко. Нам, видимо, придется обходить его к югу. Хотя, впрочем, постойте-ка, капитан... Скажите нашу широту.

– Примерно 82 градуса тридцать.

– А курс?

– Норд-норд-ост.

– Так ведь тогда следует считать просто чудом, что мы до сих пор еще идем чистой водой. Вероятнее всего, мы видим перед собой уже не случайное поле битого плавучего льда, а прочные паки. Ведь мы, как-никак, имеем на траверсе Землю Рудольфа или Землю Джерсона.

– Да, приблизительно.

– То есть находимся уже в зоне устойчивых льдов.

– Сказавши правду, доцент, я уже так разочаровался в

правдивости всех этих зон и границ, нанесенных на наши карты, что не был бы удивлен, если бы мы еще сутки шли чистой водой, хотя, по всем наблюдениям прежних лет, и должны уже давно быть во льдах.

– Имейте больше уважения к тем, кто производил эти наблюдения, капитан. Большинство из исследователей заплатили своей жизнью за право нанести на карты вот эти тоненькие пунктиры вероятных границ льдов и стрелки течений... Возьмем хотя бы то место, где мы сейчас находимся. Если мне не изменяет память, в 1827 году оно явилось крайней точкой похода Парри. А вот немного к весту от нас остался путь наших с вами соотечественников, моего – Амундсена (велика его память!..) и вашего – Эльсворта. Помните, чего только они не пережили в мае 1925 года, чтобы иметь возможность полюбоваться с высоты птичьего полета красотой тех самых льдов, к которым мы с вами теперь подходим... А смотрите, еще немного, и мы с вами пересечем линию, которую в течение трех лет прочерчивал на карте мой славный соотечественник Хансен. Ведь где-то здесь, совсем недалеко от нас, пролегает конец его знаменитого дрейфа на «Фраме».

– Да, исторические места, доцент, – задумчиво сказал Билькинс. – Какие имена, какое мужество, сколько знаний! И все-таки, доцент, ни мужество, ни знания не позволили ни одному из обладателей этих имен, перед памятью которых я преклоняю голову, проникнуть в то белое пятно, к которому теперь идет мой «Наутилус»... А ведь «Наутилус»

пройдет, доцент. Должен пройти! Мы, янки, верим только в здравый смысл и математику. Мой «Наутилус» – это только вещественное оформление нескольких уравнений, то есть продукт той же математики. А математика никогда не ошибается... если, конечно, люди не путают знаков в уравнениях. Если мы с вами не перепутаем при разрешении своего уравнения ни одного знака, мы будем там, куда упирается моя курсовая черта. И, пройдя неисследованную зону, выйдем прямо к Берингову проливу.

– А если знаки будут перепутаны?

– Тогда прошу не взыскать. Все, что представляется вам в данный момент величинами положительными, в том числе и вы сами, по всей вероятности, превратится в нечто иррациональное, в мнимость, в фикцию, доцент!

– Это хорошо, что вы отдаете себе во всем отчет, капитан.

– Янки, доцент, всегда и во всем отдают себе отчет...

Впрочем, на этот раз, кажется, и янки заболтался. Мы идем на сближение со льдом, и просветов не видно. Вероятно, настало время погружаться.

У Зуля невольно пробежали по спине мурашки.

– А вы не думаете переждать немного?

– Что переждать?

– Ну, пока лед, может быть, отойдет.

– Лишнее. Давайте-ка собираться вниз.

Двадцать семь лет прошло с тех пор, как Зуль впервые вошел на своем судне в лед. С тех пор он перестал бояться

льда и смело входил в него на утлых деревянных шхунах и на больших железных пароходах. Он безбоязненно колесил по белым просторам на лыжах. А русские большевики научили его даже тому, как следует ломать лед носом корабля и пробираться там, где раньше Зуль умел только пережидать. Но Зуль никогда еще не вдумывался в то, что будет он испытывать, спускаясь под лед.

Только теперь, когда люди, гревшиеся на палубе, поспешно убегали вниз, Зуль понял, что спуститься под лед – это не то же самое, что ходить по нему на лыжах. Беспредельная белая крышка толщиной в несколько метров, которая должна будет непроницаемо отделить его от привычного белого сияния снега, от бледного солнца, пугала. Зуль нехотя согнулся, чтобы влезть в рубку. Над головой гроыхнул сталью тяжелый люк, и матрос стал его быстро задраивать. Под ногами Зуля зловеще звенели ступеньки трапа. Дизеля прекратили работу, и в лодке воцарилась тишина, как в пустой бочке.

Спустившись в центральный пост, Зуль застал уже всех на своих местах. Тишину дробно разорвал резкий звонок. Билькинс приник к окуляру. Ему было видно, как на перископ быстро надвигается белая полоса льдов. Ее края разорваны черными пятнами редких и узких разводьев. Не могло быть и речи о том, чтобы воспользоваться ими для прохода лодки.

Когда до льдов оставалось не больше полутора миль, Билькинс отдал распоряжение:

– К погружению!

Одновременно по лодке разнесся новый резкий звонок. Люди экипажа застыли на своих местах с руками, лежавшими на рычагах механизмов. Снова прозвучал голос капитана:

– Заполнить балластные!

Зазвенела вода, устремившаяся в главные цистерны. Глубомер едва заметно дрогнул. Зуль, не отрывая глаз, следил за его показаниями.

И опять Билькинс крикнул:

– Заполнить носовую!

Матрос поспешно открыл клапан носовой дифференной цистерны и повернул рычаг манипулятора. Лодка едва заметно качнулась на нос.

Рулевые на горизонтальных рулях неподвижно сидели на своих низеньких железных табуретах, внимательно следя за каждым движением старшего офицера, передающего им команды Билькинса.

Лодка медленно погружалась. Она шла теперь на глубине перископа. Билькинс, впившись в скользящие навстречу льдины, оттягивал полное погружение. Только когда казалось, что вот-вот перископ должен разбиться о сверкающие прозрачной голубизной изломанные бока льдин, Билькинс оторвался от окулятора и скомандовал полное погружение.

Рулевые налегли на горизонтальные рули. Лодка дала еще больший дифферент на нос, и глубомер стал быстро менять свои показания.

Билькинс повернулся к несколько ошеломленному Зулю.

— Итак, доцент, только тогда, когда этот прибор скажет нам, что у нас над головой нет больше льда, мы сможем снова увидеть свет так надоевшего нам незаходящего солнца.

— Я очень хотел бы, чтобы это было раньше, чем солнце закончит свой летний путь.

— Ну, в этом-то мы можем быть уверены.

Уходя, Билькинс сделал приветственный жест.

Зуль посидел еще немного в тесной коробке центрального поста, с интересом наблюдая за работой вахтенного начальника, следившего за ходом судна под водой, и тоже пошел в отведенный ему угол кормового кубрика. Здесь было так же тесно, как и во всех остальных помещениях лодки. Зуль попробовал сосредоточиться на чтении, но ничего не вышло. В голове звенело от непрерывного мощного гула электромоторов, сменивших остановленные с момента погружения дизеля. В их ровный гул тонким певучим голосом вонзалось пение динамо. Прямо над головой широким звеном шипела вентиляционная магистраль. Не выпуская книжки, Зуль устроился на рундуках и незаметно для себя заснул.

Тем временем Билькинс вместе со старшим штурманским офицером сидел в радиорубке Вебстера. В отличие от всех остальных помещений лодки, здесь царила полная тишина. Ни гул мотора, ни пение динамо не проникали сюда сквозь толстую пробковую обшивку переборок. С сосредоточенным видом Вебстер медленно поворачивал лимб гониометра, ста-

раясь найти правильное положение контура для сигналов, непрерывно подаваемых ему норвежской радиостанцией со Свальбарда и советской станцией с Земли Франца Иосифа. Но сигналы все время оставались недостаточно четкими, и Вебстер никак не мог сделать засечек. А засечки были нужны Билькинсу. Нужно было проверить свое местоположение, исчисленное по приборам и показаниям лага.

Ожидая результатов возни Вебстера, Билькинс вполголо-са разговаривал со штурманом. Штурман высказывал сомнение в правильности курса, избранного Билькинсом:

– Стоит ли нам так сильно уклоняться к зюйд-осту, сэр?

– Да, я считаю это наиболее правильным. Этим курсом мы примерно до траверса Северной земли и Таймыра будем идти навстречу холодным течениям, идущим со стороны Берингова пролива и устремляющимся в проход между Шпицбергом и Гренландией. Таким образом, мы меньше всего рискуем деривацией. Зная по наблюдениям Норденшельда и Нансена скорость этих течений, мы с известным приближением можем внести поправку в показания лага. Кроме того, здесь мы постоянно находимся вблизи пути, пройденного при дрейфе «Фрама», а это вместе с наблюдением Каньи 99-го года дает нам возможность хоть сколько-нибудь судить о склонении наших магнитных компасов. И если мы затем приблизительно на координатах 110 в.д. и 83 с.ш. изменим курс под прямым углом к первоначальному, то есть примерно на норд-ост, то пойдем почти перпендикулярно течениям

и войдем в неисследованную зону с самой интересной в геологическом отношении стороны.

— А разве, сэр, вас нисколько не интересует полюс как таковой?

— Стоит ли терять время на открытие того, что давно открыто? Я же только что хвалился перед Зулем тем, что мы, янки, верим лишь в непреложное, а что может быть менее постоянным, чем история, особенно на нынешней ступени ее развития? Мир переживает лихорадку, мой милый Кроппс, а во время лихорадки температура повышается и человечество начинает бредить. Вон большевики уже договорились до того, что Северного полюса первым достиг вовсе не Роберт Пири, а какой-то негр. Вы понимаете, чем это пахнет; когда-нибудь наши почтенные потомки, повязавшись красными галстуками, станут утверждать, что вовсе не мы с вами первыми пришли под водой к этой точке, а наш милейший черный кок! Так стоит ли, Кроппс, жечь из-за того хотя бы один лишний галлон нефти?

Билькинс усмехнулся и повернулся к Вебстеру, сбросившему наконец наушники. На минуту он задумался над написанными радистом пеленгами. Карандашом прикинул на бумажке углы и покачал головой.

— Странно, — буркнул он, передавая листок штурману. — Надо поскорее определиться, здесь что-то не так...

Штурман, в свою очередь, сомнительно качнул головой, просмотрев записанные углы.

– Да, действительно что-то неладно... А вы, Вебстер, правильно взяли отчеты пеленгатора?

Вебстер только пожал плечами.

Билькинс поднялся в свою каюту.

Через десять минут туда же пришел и штурман.

– Действительно, сэр, получается какая-то чепуха. Выходит так, будто мы много севернее, чем предполагали.

– Если это и так, я думаю, что в этом нашей вины нет. Вероятнее всего, либо скорость течений и их направление значительно изменились со времени последних наблюдений, либо произошли какие-то изменения в магнитных силах, влияющих наклонение наших компасов.

– Неплохо бы произвести астрономические наблюдения, сэр.

– Ну, с этим, вероятно, придется теперь подождать.

Билькинс крикнул в открытую дверь:

– Мистер Скриппс!

– Есть, сэр! – раздался в ответ голос вахтенного начальника.

– Что говорит ледяной зонд?

– Никаких признаков воды, сэр.

– Вот видите, Кроппс, – сказал Билькинс старшему штурману, – едва ли можно ждать так скоро чистой воды. Как мне показалось, лед был очень плотный и почти совершенно без трещин.

В этот момент в дверях показалось сонное лицо Зуля:

– Что нового, капитан?

– Только то, что мы не знаем, где находимся.

Зуль почесал бороду и не спеша протер очки. Затем он задал совершенно неожиданный вопрос:

– Можно спокойно идти спать? Новостей, я думаю, долго никаких не будет.

– Если хотите, спите, а я все-таки попробую выяснить, где мы.

– Ну, в этом я вам помочь не могу.

Зуль спрятал очки в футляр и пошел на свои рундуки. От немного спертго воздуха и непрерывного монотонного гудения машин доцента клонило ко сну.

5. «Наутилус» дышит

Мерно гудят моторы. Слышно, как за бортом стучат винты. Каждый их удар отдается в стальном корпусе лодки. Помещения команды погружены в полумрак. Там и сям видны на рундуках скорчившиеся фигуры спящих людей. Время от времени кто-нибудь ворочается с тяжелым кряхтением и бормочет во сне. В кормовом кубрике рядом с машинным отделением лежит на рундуке Зуль. Он больше уже не может спать. Скоро сутки, как лодка погрузилась. Воздух в помещении делается все более тяжелым. Зулю с непривычки трудно дышать. Еще во сне ему почудилось, что на лицо положили подушку. Он сделал усилие, чтобы проснуться. Но и наяву

не стало легче. Воздух пропитан запахом машинного масла и прогретой краски. При этом он теплый, душный. Зуль сбросил суконную куртку – и все-таки жарко. Пришлось сбросить фуфайку. Но при этом Зулю страшно малейшее прикосновение к стальной переборке, около которой он лежит, – она покрыта матовым налетом холодного пота. На ребре проходящего над головой бимса росой собираются капли влаги и, соединившись по нескольку вместе, крупными горошинами падают к самому изголовью.

Поворочавшись с боку на бок, Зуль увидел, что попытки заснуть бесполезны. Он встал и пошел в ярко освещенную будку центрального поста. Под лучами электричества белели круглые циферблаты многочисленных приборов. Стрелки одних непрерывно дрожали; на других стояли неподвижно. Вахтенный начальник – молодой, коренастый, с круглой, коротко остриженной головой – все время переводил взгляд от одного прибора к другому. Не отрываясь от них, он ответил на приветствие Зуля.

Зуль поинтересовался, как долго еще может лодка находиться под водой. Молодой моряк подумал немного:

– Аккумуляторов хватит еще надолго, а вот насчет воздуха становится плоховато. Я думаю, что через несколько часов нам во что бы то ни стало придется пробиваться к поверхности.

– Но как странно, что все наблюдения прежних лет не оправдываются... Ведь капитан Билькинс совершенно пра-

вильно рассчитывал встречать чистую воду каждые двадцать пять – тридцать миль. А тут мы отмахали почти четыреста, воды же нет как нет.

В этот момент в центральный пост, неслышно ступая мягкими туфлями, вошел Билькинс.

– А ну-ка, кто меня здесь ругает? – весело бросил он.

– Ругаю вас я и самым нещадным образом, капитан. Как долго вы намерены еще держать меня в этой коробке без свежего воздуха? – ответил Зуль.

– Если мы в течение ближайшего часа не встретим воды, то придется проделывать первое отверстие во...

Но Билькинс не успел договорить: вахтенный офицер издал радостное восклицание и уставился в один из приборов. Билькинсу достаточно было одного взгляда на циферблат.

– Ну вот, доцент, все идет как нельзя лучше. Сейчас вы получите столько свежего воздуха, сколько могут вместить ваши легкие.

Билькинс занял командирское место. По лодке разнесся пронзительный звонок. Во всех концах судна заворочались полусонные люди, занимая свои места у аппаратов и машин. Везде вспыхнул ослепительный свет. Через минуту раздалась команда Билькинса:

– Продуть носовую!

Зашипел и забулькал врывающийся в цистерны воздух. Лодка колыхнулась и, подчиняясь горизонтальным рулям, немного приподняв нос, пошла на всплытие.

Билькинс медленно и осторожно поднимал лодку, впившись взором в сигнал, соединенный с палубным зондом. Но сигнал оставался темным. По-видимому, льда над судном не было. Лодка спокойно поднималась. Перед глазами Билькинса, прижавшегося к окуляру перископа, появился слабый свет, и через момент ярко заблестела поверхность освещенного моря. Вращая перископ, Билькинс внимательно оглядел горизонт по всей окружности.

– В северных квадрантах лед на расстоянии двух-трех миль. В южных квадрантах почти совсем рядом... Однако всплываем.

Все облегченно вздохнули. Палуба лодки стала жать подошвы, поднимая людей к свету и чистому воздуху. Вахтенный матрос бросился по узкому трапу к главному люку рубки, приготовившись открыть его по первому приказанию командира.

Но, прежде чем оставить управление, Билькинс сказал вахтенному начальнику:

– Вы будете придерживать лодку на месте, на равном расстоянии от обоих полей, – и, обернувшись к главному механику, добавил: – Приготовить дизеля!

6. Платоническая любовь доцента

Так же однообразно и без всяких приключений прошли вторые и третьи сутки похода «Наутилуса». Билькинс еще

три раза воспользовался свободной ото льдов водой, чтобы всплыть и возобновить запас воздуха, не прибегая к пробиванию льда. Последний раз пробыли на поверхности почти целый день для того, чтобы перезарядить аккумуляторы.

Со времени последнего всплытия прошло уже около полутора суток. Не было никаких признаков чистой воды, даже узких прогалин между ледяными полями не попадалось. Льды представляли собой монолит, отгородивший морские глубины от внешней атмосферы толстой прозрачной корой. Сделав несколько раз попытку приблизиться к нижней поверхности ледяного покрова и идти вплотную около него, Билькинс каждый раз должен был от этой мысли отказаться, так как, вопреки ожиданиям, эта поверхность вовсе не была гладкой.

Экипаж успел, по-видимому, уже привыкнуть к урезанной порции кислорода, и люди не испытывали страданий, как в первые дни. Но большинство из них стало отличаться необычайной сонливостью. Свободные от вахты не интересовались ничем, кроме койки.

Лодка представляла собой плавучее сонное царство, где бодрствовали только штурманы, рулевые да вахтенные механики, клевавшие носами под монотонное жужжание электромоторов.

Так было и около полудня 5 июня. В лодке слышно было лишь гудение моторов. Яркий освещенный колодец центрального поста, главная машина и обе станции – носовая и кор-

мовая – были отделены шторами от погруженных в полумрак помещений команды. Только еще в крошечной каютке старшего штурмана зеленел абажур лампы. Пятно света падало на стол, выхватывая из полумрака красные жилистые руки Кроппса и желтые лакированные ящики хронометров. Крепкими волосатыми пальцами штурман бережно поворачивал ключ, заводя один за другим четыре хронометра.

В тот момент, когда штурман отнял пальцы от ключа и потянулся за крышкой хронометра, по всему судну разнеслась резкая металлическая дробь аврального звонка. Звонok не умолкал, громко и тревожно разрывая тихий полумрак лодки. Почти одновременно с началом звонка – может быть, на одну-две секунды позже – из машинного отделения донесся оглушительный металлический стук резко переключенной реверсивной муфты. Лодка испытала сильный толчок, точно гигант ударил ее чем-то мягким по форштевню. Хронометры, стоявшие перед штурманом, скользнули по гладкой поверхности стола и с жалобным звоном упали на палубу. Сам штурман, протянув руки к хронометрам, с возгласом отчаяния стремительно полетел со стула в угол каюты.

Во всех помещениях происходило почти то же самое. Спящие люди валились с рундуков и коек. Они катились друг на друга. Среди них падала посуда и звенела по железной палубе. Билькинс, свалившись с койки, больно ударился головой и в первый момент не мог ничего сообразить. Его мозг серебряной пилой разрезала дробная трель звонка. Но

через несколько секунд он выскочил из своей каюты и, покрывая звон посуды, стук барахтавшихся тел и наполняющие темноту проклятия, прокричал:

– Спокойно... Спокойно... Ничего не случилось. Все по местам!

Повторив это несколько раз и убедившись в том, что в помещениях вспыхнуло электричество и люди стали поспешно занимать свои места у аппаратов, Билькинс в два прыжка оказался около ошеломленного вахтенного начальника, еще не оправившегося после сотрясения. Звонок не переставал трещать. На приборной доске ярко вспыхивал красный сигнал носового зонда.

– Джонс, мы с чем-то столкнулись! – крикнул Билькинс вахтенному начальнику. – Или это очень хорошо, или это очень плохо.

– Скорее плохо, чем хорошо, сэр, – ответил Джонс. – Посмотрите-ка, мы уже две минуты отрабатываем задним ходом, а сигнал все еще не прекращается.

– Вы думаете, что зонд засел в препятствии? Посмотрите-ка лаг.

– Есть, сэр.

Джонс побежал к колодцу лага и через минуту крикнул:

– Здесь все в порядке, сэр. Лаг работает на полный ход.

– Что же это значит – ведь не тащим же мы с собой всю скалу!.. Эй, Джонс, на какой глубине вы шли, когда произошло столкновение?

– Двадцать метров по глубомеру, сэр.

В центральный пост вбежали Зуль и старший штурман.

Билькинс отдал распоряжение о перемене курса. Рулевые осторожно переложили вертикальный руль. Лодка шла в новом направлении с едва вращающимися двигателями. Однако сигнал столкновения не прекращался. Все стояли совершенно ошеломленные. Штурман выбрал минуту и попробовал рассказать Билькинсу:

– Сэр, большое несчастье, два хронометра...

Билькинс только отмахнулся:

– Не до хронометров... тут за нами скалы гонятся, – он на минуту задумался и скомандовал: – Подготовиться к всплыванию.

Медленно, осторожно, на одних горизонтальных рулях лодка поднимается метр за метром. Глаза всех присутствующих впились в сигнал вертикального зонда. Через несколько минут непрерывающаяся трель звонка горизонтального зонда смешалась с такой же трескучей трелью другого звонка, и циферблат вертикального зонда загорелся синим светом.

Лодка стала двигаться горизонтально. Когда она оторвалась от ледяного покрова, верхний сигнал умолк, и синий свет погас. Но носовой сигнал продолжал сиять красным светом, и его звонок все так же пронзительно наполнял стальную тесноту лодки. Все пришли к заключению, что, по-видимому, зонд просто испортился от удара о встречную скалу,

и в нем произошло замыкание. Идти вперед с таким зондом было слишком рискованно. Билькинс решил продержаться несколько часов и спустить водолаза для починки.

Пока шли приготовления водолаза, Билькинс исследовал все пространство вокруг лодки при помощи перископа и прожектора. Луч сосредоточенного света в сто миллионов свечей методически, метр за метром, ощупал темное пространство, окутавшее лодку. Но ничего похожего на берег Билькинс не обнаружил. Луч, не встречая никаких препятствий, уходил в мягкое, податливое стекло воды, преломлявшее его едва уловимым волнением. Билькинс попробовал даже направить луч вверх, рассчитывая, что сила света преодолест лед. Но его ожидания не оправдались. По-видимому, толщина льда была настолько велика, что совершенно лишала возможности его просветить. В самый последний момент, когда Билькинс, перед тем как выключить прожектор, обводил лучом вокруг лодки, сноп света пересек большое темное тело, быстро промелькнувшее снизу вверх. Проследив за ним, Билькинс увидел в ледяном покрове небольшое круглое отверстие – характерную лунку морского зайца. Это говорило о том, что и в этих крайних широтах есть жизнь.

Тем временем были закончены все приготовления для спуска водолаза. Судно подошло на расстояние двух-трех метров ко льду. Пустили в ход алмазные буры и в проделанные отверстия выпустили шланги. Свежий морозный воздух стал парно вырываться из широкого зева вентилятора. Мо-

лодой машинист от восторга даже издал воинственный клич, потрясая кулаками. Потом махнул безнадежно рукой:

– Эх, на лыжах бы сейчас! Небось там-то воздуху, вот бы подышать!

Его поддержал Зуль:

– А что, капитан, не попытаться ли нам при помощи водолаза проделать отверстие такого размера, чтобы можно было выставить наружу всю рубку? Мы могли бы прежде всего совершенно точно определить свое место по солнцу, и, кроме того, было бы очень интересно познакомиться с окружающим ландшафтом.

В разговор вступил кок:

– Не вредно бы и пресную воду в цистернах поменять. Наша что-то пахивать стала.

Все знали, что вода отличная и ничем не пахнет, но с благодарностью взглянули на находчивого негра. Однако Билькинс колебался. Ему и самому улыбалась перспектива познакомиться с тем, что делается наверху, но не хотелось терять времени. Старший штурман преодолел колебания капитана:

– Подумайте, сэр, ведь мы находимся в том секторе, где еще не ступал человек и не побывало ни одно судно. Разве только несчастная «Жанетта»... Да и то неизвестно, прошла ли она именно тут. Мы значительно к норд-осту от дрейфа «Фрама»... Мы будем здесь первыми, сэр.

Билькинс решил:

– Ну хорошо, уговорили. Выведем рубку наружу и тогда

примемся за осмотр носового зонда. Мистер Кроппс, отдайте распоряжение подойти вплотную ко льду. Тогда водолазы с рубки смогут разрезать лед у себя над головой... Впрочем, стоп, отставить. Из водолазов кто приготовился?

– Мультанаки, сэр.

– Отлично, пусть его спускают в кессон. Через четверть часа я выйду к нему на помощь.

– То есть, сэр, вы хотите...

– Правильно, Кроппс, я всегда делаю то, что хочу, и хочу то, что делаю. Вам не идет это выражение удивления. Сгоните его поскорее. Скажите-ка лучше, чтобы мне приготовили водолазное снаряжение.

Через четверть часа небольшой коренастый грек Мультанаки, облаченный в скафандр и водолазный костюм, под руководством Билькинса действовал плавильным ледяным ножом. В руках у него была зажата эбонитовая рукоятка со вделанным в нее длинным стальным стержнем. В полом стержне проходила платиновая проволока высокого сопротивления, разогревающая стержень. Вода вокруг стержня бурлила и кипела. При каждом движении Мультанаки его рука рассыпала целые каскады прыгающих пузырьков.

При соприкосновении со льдом нож вошел в него как в мягкое масло. Мультанаки сделал длинный разрез, в который сейчас же устремилась темная масса воды. На расстоянии полуметра от первого разреза водолаз сделал еще один. Затем полученную длинную полосу льда он стал быстро раз-

резать на небольшие параллелепипеды. Билькинс тут же выталкивал их наверх. Пока он пыхтел над первым куском льда, разрезы, сделанные Мультанами, стали под действием холода снова смерзаться, и водолазу пришлось еще раз провести ножом по тем же местам. Через полчаса работы над головами работающих было уже окно чистой воды площадью около квадратного метра.

Со лба Билькинса градом катился пот, заливая глаза. Белье прилипло к телу. Несмотря на низкую температуру воды, стало невыносимо жарко. Он передал на контрольный пост в лодку:

– Выключите у меня обогреватель. Жарко как в тропиках.

В наушниках прозвенел ответ:

– Есть выключить обогреватель!

Через полминуты Билькинс уже почувствовал, как к телу его прилегает холодная одежда. Стало несколько легче работать. Но через четверть часа Мультанами бессильно опустил свой нож. Билькинс чувствовал, что и у него от напряжения перед глазами прыгают звезды.

Скоро их сменили другие водолазы, и работа продолжалась.

Шесть раз менялись люди, и только через три часа окно достаточных размеров было готово.

Как ни ярко сверкали электрические лампы во всех помещениях лодки, но выскочившие на лед люди зажмурились и закрыли руками лица. Блистая пирамидами рассыпанной

в воздухе алмазной пыли, взлетали со льда фонтаны серебряного света. Фонтаны переливались и играли на каждой неровности. Вся атмосфера волновалась лучистыми переливами, и в то же время невозможно было никуда взглянуть от залившего все ровного света. Все кругом было совершенно мертво, и в то же время ни на секунду ландшафт не оставался одним и тем же. Непрестанно менялись контуры окружающих ледяных возвышенностей. Изгибались и волновались в непрерывном сиянии голубых краев ледяные поля.

Только Зуль и Билькинс предусмотрели это обстоятельство и надели темные очки. Большинство же людей, как слепые котята, полезли обратно в лодку.

Зуль огляделся и широко раскинул руки:

— Вы только взгляните, капитан, какой простор... Где, где, скажите, можно видеть что-нибудь подобное? Покой природы. Не покой, созданный плотными шторами и наглухо закрытыми дверями, а подлинный, абсолютный, единственно настоящий отдых неподвижной природы... Только слепцы да те, кто никогда этого не видел, могут думать, что в странах тропиков, в благословенной Италии, в пресловутом Средиземном море следует искать краски природы. Каждый сапожник, не страдающий дальтонизмом, передаст вам на полотне небо Адриатики, пальмы Алжира, а вот покажите-ка мне такого артиста, который сумел бы не только передать кистью, а хотя бы для самого себя как художник проанализировать гамму красок, взлетающих в воздух с этих мертвых по-

лей. Таких еще нет. Попадая сюда, художники слепнут. Они в бессилии опускают кисти и смотрят на палитру как на пустую доску – на ней нет красок, из которых человеческий глаз мог бы составить цвет, нужный для изображения хотя бы вот этого края поля.

Билькинс улыбнулся:

– Я, доцент, сам поклонник этих просторов, но вы уж слишком высокого мнения об их художественных достоинствах.

– Вы говорите, слишком высокого, капитан? Хорошо, скажите мне: какого цвета вон то ребро льдины, что смотрит из-под снега у ближайшего троса? Вот видите, вы уже и потерялись. Я вас понимаю. Вы просто не можете подыскать нужного определения. Не смущайтесь, вы не один теряетесь. Я чаще и дольше видел эти краски, и все-таки, если вы меня спросите, как я их определяю, я должен буду сделать это очень приблизительно и, вероятно, даже ошибусь. Если я скажу вам – аквамарин, вы вправе возразить, что краска этого льда куда глубже и полнее любого аквамарина; разве аквамарин, самый совершенный и прозрачный, может дать такую кристальную чистоту неба, как этот осколок льда? Изумруд? Нет, об этом не стоит говорить. Наконец бирюза – чистейшей воды бирюза? Как далеко ей в своем совершенстве до этой льдины. Где, в какой царственной бирюзе вы найдете такое бесподобное смешение зеленого и голубого? Попробуйте-ка сказать, где здесь кончается голубизна и начинается зелень?

Ну, вот видите, а вы говорите, я преувеличиваю. Какой самоцвет, какой алмаз способен источать такую бездну сверкания?!

— Пожалуй, вы правы, доцент. Но мне никогда не приходилось задумываться над такими вещами — как-то некогда было. Вместе с Кингом и Йельсоном мне пришлось побывать над этими местами, но тогда никто из нас не задавался такими мыслями, и, признаться, всем нам эти льды казались только страшными.

— Это происходит, капитан, из-за того, что вы не любитель Севера...

— Нет, доцент, я его люблю.

— Вы любите его, как покоритель любит покоренную страну. Вы любите воевать с северными льдинами, но вам, по существу, все равно, северные это льды или южные, — вас интересует в лучшем случае только процесс состязания с ними: кто кого? В худшем вы стремитесь к той славе, которую неизбежно дает победа над таким противником, как полярный лед. Поэтому вы знаете лед, снег, холод, пургу, медведя — вообще все, что входит в понятие «полярная область», — только как препятствие, только как барьер, через который надо перескочить, не зацепившись ногами, чтобы не сломать себе шею. А вот если бы вы знали, как любят Север у нас в Норвегии! Для нас он не пугало, а родной отец. Эдакий огромный суровый старик, любящий пошуметь, крепко помять нам бока. При попытке ласкаться он больно колет жест-

кой седой бородищей. Но нигде сын Севера не может отдохнуть так сладко, как на просторной белой груди своего великана-отца. Норд, Норге, Норвей – ведь это все почти одно и то же, почти синонимы. Норвежец – родной сын Севера. Он не боится его, не намерен с ним воевать, он хочет его близости и покровительства. Он любит его и за то получает от Севера то, чего хмурый старик не дает больше никому, – железное здоровье и непоколебимый покой души. Умение довольствоваться самым малым и любить только скалы и лед. Вы вот улыбаетесь? А смотрите – взять хотя бы вас, американцев. Стоит в кармане янки завестись лишнему доллару, и его уже тянет куда-нибудь в Италию. А прославленные британцы, какая нация дает еще такое число бродяг, неспособных довольствоваться пределами своего отечества? И рядом с этим разве вам приходилось видеть в какой-нибудь Ницце или в Неаполе норвежцев? Как редкое исключение. Мы не любим чужих стран. Мы чувствуем себя хорошо только в Норвегии и в полярных странах, составляющих коренные владения нашего родного отца Норда.

– Однако, как мне кажется, доцент, вы не всегда путешествуете по Северу только для того, чтобы любоваться его красотами. Приятность отдыха на широкой груди вашего сердитого отца вы не прочь соединить с некоторыми полезными результатами!

– Что делать, капитан, такова жизнь... И все-таки я люблю Север чисто платонически... Однако мы, кажется, несколь-

ко отвлеклись, давайте-ка займемся наблюдениями. Вон и Кроппс тащит секстанты.

– И то правда. Пока вы будете здесь делать наблюдения, я пройду и узнаю, чем кончился осмотр носового зонда и как велико его повреждение.

7. Мультианаки исчез

Когда Билькинс уже наполовину спустился в рубку лодки и только голова торчала над поверхностью льда, его взгляд совершенно случайно отметил в отдалении какое-то желтое пятно, довольно резко отличающееся от общего ослепительного-белого фона. Присмотревшись, Билькинс определил: медведь.

Желтое пятнышко быстро подвигалось по направлению к лодке. Скоро за ним появилось еще одно такое же. Второй медведь. За вторым – еще два поменьше.

Билькинс обернулся к Зулю и Кроппсу:

– Эй, господа! Глядите-ка, к вам гости... И ведь совершенно не боятся; по-видимому, они еще не знакомы с такой дичью, как вы. Идут как на приготовленный завтрак.

Но звери не собирались охотиться на людей. Они не обращали на них никакого внимания и быстро двигались по краю длинной узкой трещины, оканчивавшейся невдалеке от того места, где вклинилась в лед рубка «Наутилуса». При этом звери все время принохивались к чему-то в полынье. Дойдя

до конца трещины, большой старый медведь прыгнул в воду и исчез подо льдом.

Почти тотчас же спускавшийся в лодку Билькинс услышал тревожные удары колокола, доносящиеся из нижнего отделения, откуда подавался воздух водолазу и велись с ним переговоры. Когда Билькинс вбежал на водолазную станцию, по борту лодки раздались скрежетание и неистовые удары. Одновременно трос, один конец которого был прикреплен к поясу водолаза, а другой намотан на лебедку, резко натянулся, точно водолаз с размаху бросился в глубину. Передача голосом прекратилась из-за обрыва переговорочного кабеля. Дернувшись несколько раз, лопнула и сигнальная веревка. Работавшая полным ходом лебедка бешено завертелась впустую, наматывая оборванный трос. Все растерянно переглянулись. Старший водолаз, повернувшись к Билькинсу, спросил:

– Сэр, как быть?

Но вопрос не дошел до капитана. Билькинс, не обращая внимания на общую растерянность, поспешно натягивал водолазный костюм. Поняв без слов намерение капитана, окружающие принялись привинчивать ему к вороту скафандр. Через три минуты Билькинс был уже в промежуточном кессоне и через пять – в податливом зеленоватом стекле воды.

Билькинсу было ясно, что оборвать главный трос водолаз мог только при очень стремительном падении.

Трос быстро разматывался. Билькинс чувствовал, что с

каждой секундой становится все труднее и труднее дышать под давлением огромного столба воды. Наконец трос остановился – все сто метров были вытравлены. Билькинс повис над бездной. Над головой, под ногами, со всех сторон было мутное зеленоватое стекло воды. Билькинс не раз бывал под водой, но сейчас он чувствовал себя совершенно необычно. Несмотря на то что ослепительный свет сверху проникал даже на эту глубину, вода казалась совершенно мертвой, совсем не такой, какую Билькинс видел в южных морях. Ни одно животное, ни рыба, ни моллюск не нарушали ее покоя. Не было признаков какой бы то ни было растительности. Посветив немного вокруг себя грудным фонарем, Билькинс выключил свет. Таким безнадежно немоощным показался ему этот слабенький луч! Несмотря на неподходящий момент, Билькинс даже громко рассмеялся в своем скафандре: «Нужно же быть таким идиотом, чтобы впопыхах забыть здравый смысл, – ведь я же знаю, что глубина здесь измеряется тысячами метров». И он дал сигнал к подъему.

Добравшись до лодки, Билькинс залез в узкий промежуток между льдом и верхней палубой судна. Отсюда он осторожно добрался до носового зонда, чтобы исследовать его повреждение. Он быстро понял, в чем дело. Весь промежуток между буфером зонда и корпусом его телескопической трубы был забит лохмотьями сырого мяса и кожи. Тут же он обнаружил и обрывок тюленьей лапы. По-видимому, эти остатки столкновения с животным, забив контакты, создали

соединение, повлекшее за собой непрекращающийся звонок сигнала. Билькинс старательно очистил зонд и снял помятый буфер.

Теперь оставалось найти объяснение приходу медведей к месту стоянки лодки и исчезновению водолаза.

Конец полыньи, в которую на глазах Билькинса нырнул медведь, приходится почти над самым концом зонда. Билькинс решил воспользоваться полыньей для того, чтобы передать на поверхность льда снятую им часть буфера. Он сказал в переговорную трубку:

– Спустите мне водолазную стремянку и крепкий строп в самый конец полыньи. Я привяжу к нему буфер.

В наушниках послышалось:

– Есть, послали наверх.

Билькинс уселся верхом на трубу зонда и стал ждать.

«Однако они не торопятся», – подумал он через несколько минут напрасного ожидания.

Но как раз в этот момент наверху послышались сильные удары по льду, гулко отдававшиеся в медном скафандре, – и вместо ожидаемого стропа и стремянки в светлом отверстии полыньи показались медвежьи лапы, а затем целый медвежий зад заслонил свет. Медведь отчаянно барахтался, пытаясь вылезти из полыньи, затем осел всей тушей в воду и скользнул под лед, слабо дергая лапами. Следом за медведем сверху скользнул виток троса. Билькинс, забыв про буфер, подхватил конец и захлестнул вокруг медведя, все еще де-

лающего слабые попытки всплыть. Сверху появилась и долгожданная стремянка. Прижимая к груди тяжелый буфер, Билькинс полез наверх. Сразу несколько рук подхватили его на краю льда и вытащили на поверхность.

Ослепленный непомерным сиянием льда, Билькинс беспомощно сидел, пока с него снимали скафандр. На него набросились с расспросами:

– Ну, что с Мультанаки? Где Мультанаки?

– Где-нибудь там, – сказал Билькинс, сделав неопределенный жест в сторону льда.

Все молчали.

– Но я вижу, вы хотите, чтобы и я обратился в ледяную сосульку.

Действительно, водолазный костюм Билькинса превратился в негнущуюся блестящую корку. Он с трудом поднялся, чтобы с помощью окружающих сбросить свои тяжелые доспехи. Скинув их, стремглав побежал в лодку.

Но не успел Билькинс допить и первого стакана горячего шоколада, как сверху послышались крики:

– Капитан! Господин капитан!

Набросив шубу, Билькинс опять выскочил наверх.

8. Кроппс сомневается в умственных способностях капитана

Навстречу Билькинсу, увязая длинными ногами в снеж-

ных сугробах, бежал Кроппс. Когда он приблизился, Билькинс рассмотрел в его руках какие-то кровавые лохмотья. Запыхавшись от бега и не в состоянии выговорить ни слова, Кроппс протянул их капитану. Билькинс в недоумении остановился:

– В чем дело, Кроппс?

– Капитан... Мультанаки... смотрите, это же Мультанаки!

Только тут Билькинс разобрал, что Кроппс держит в руках пропитанный салом и кровью кусок ткани от водолазного костюма. Крепкий прорезиненный брезент был разорван в клочья.

– Откуда это, Кроппс?

– Из медведя, сэр,

– Из какого медведя?

– Мы вскрыли тут же медведя, которого вы нам помогли извлечь из воды после того, как Миккельсен и Джонс его убили... В нем мы нашли эти клочья... Здесь не может быть сомнения – это от костюма Мультанаки.

– Что же вы думаете, Кроппс?

– Я ничего не думаю, сэр; это так страшно, что просто не хочется думать.

– Постойте, а откуда вообще взялся этот медведь? Вернее, где он был с тех пор, как пришел сюда вместе со своей семьей?

– Вы ведь видели, что он нырнул в полынью. Мне кажется, что его привел сюда какой-нибудь след крови от тюле-

ншей туши, нанизавшейся на наш зонд. Нырнув, он, по-видимому, занялся вылавливанием этой туши и, действительно, вытащил большую ее часть на лед. Но вот тут-то и возникает вопрос о Мультанаки. Мне кажется, что водолаз хотел помешать медведю завладеть тюленем. Вероятно, это и привело к гибели. На борьбу, происходящую между ними, с достаточной ясностью указывает этот клочок одежды. Едва ли в таких условиях можно говорить о каких бы то ни было возможностях спасения Мультанаки. Оказаться в этой воде в разорванном костюме... Грузы на ногах достаточно надежно держат его на дне – не хуже традиционного ядра или колосников.

– Да, Кроппс... вы правы, конечно, Мультанаки должен был погибнуть... Но, Кроппс, старина, что, вы не знаете, что ли, наших ребят? Он должен был, но не мог погибнуть!

– Право, сэр...

– «...Право, сэр, сомневаюсь в ваших умственных способностях», хотите вы сказать? Не стесняйтесь, старина, говорите. Но только на этот раз я вполне уверен в своем здравом уме и твердой памяти, можете далее пощупать мой затылок – я не обижусь. И все-таки что-то во мне протестует против вполне логического заключения о смерти Мультанаки.

Кроппс широко раскрыл глаза и недоуменно пожал плечами вслед удаляющейся фигуре Билькинса.

9. Соображения антрацитового короля

Пятая авеню, средоточие вилл и дворцов магнатов Уолл-стрит, окутана тишиной и покоем. Владельцы дворцов досыпают самые ценные часы. Осторожно подъезжают к воротам зеленщики и булочники. Осторожно звонят у тяжелых чугунных калиток почтальоны. Даже полисмены, никогда и нигде не стесняющиеся своей мастодонтальности, стараются ступать как можно мягче на отполированный до блеска асфальт тротуаров. Магнаты спят. Ничто не может и не должно портить им последние, самые дорогие часы утреннего сна.

Спит и роскошный дворец Хармона – короля антрацита. Не спит только его владелец – сухой сморщенный старичок Натан Хармон. Сидя в смятой пижаме на краю постели, он яростно потрясает маленьким кулачком перед телефонной трубкой и, брызжа слюной, хрипло кричит на своего невидимого собеседника. От злобы и напряжения на желтых висках короля вздулись синие извивы склеротических вен.

– Я говорю вам, что это глупость, какую могли допустить только вы... А, что? Чепуха... вы что же, воображаете, что я заплатил за этого дурацкого «Наутилуса» только ради того, чтобы какой-то Билькинс, по-видимому, такой же осел, как вы, мог совершить увеселительную прогулку к чертям на кулички?.. Взять с собой эту лису Зуля!.. Нет, это мне нравится... А, что?.. Помолчите, пожалуйста, когда я говорю...

Да что вы, сегодня родились, что ли, и не знаете, что Зуль – это Петрушка, за которого дергают английские и голландские углепромышленники, если только не британский генеральный штаб... Я уже сказал вам, что вы осел, и потрудитесь не заставляя меня повторять вам это несколько раз... Да, да, да – осел, осел...

Король залился тонким старческим кашлем и со злостью швырнул трубку на аппарат. Кашлял он долго, заливисто, отплевываясь и вытирая кулачком катящиеся из выпцветших серых глазок скупые слезы. Потом он схватил трубку и повернул вертушку автомата.

– Почему вы бросаете трубку, когда я еще не кончил с вами говорить... А, что?.. Какое мне дело до того, что вы думали, вы бы лучше думали тогда, когда снаряжали этого Билькинса, не послав с ним ни одного инженера... Я всегда должен думать за вас, всегда сам, всюду сам... А, что?.. Я говорю, что нужно немедленно послать вдогонку самолет с нашими геологами... А, что?.. Не говорите глупостей, раз я говорю, что нужно послать, значит, это возможно... Государственный департамент? То есть как же это он может возражать? Какое мне дело до его соображений о принадлежности полярных секторов... Переговорите с государственным департаментом от моего имени... Государственные соображения? Вы должны же наконец понять, что государственные соображения там, где дело касается угля, – мои соображения... Ну ладно, мне надоело... Сегодня вечером вы мне до-

ложите о том, что экспедиция вылетела... Зуль? Пусть они делают с ним теперь, что хотят: топят, едят живьем, мне нет до этого никакого дела – он не должен попасть на эту землю, и все. А как это сделать, пусть думает Билькинс...

Хармон опять швырнул трубку и нажал кнопку звонка на ночном столике. Дворец антрацитового короля на Пятой авеню ожил.

10. Зуль или доллары Билькинса?

Из проруби, ведущей в рубку лодки, появился радист Вебстер:

– Мистер Кроппс, где капитан?

Вместо ответа Кроппс повертел приставленным ко лбу пальцем.

– Вы хотите сказать, что он у вас в голове?

– Нет, я хочу сказать, что его нужно оставить в покое. Он немного устал после своего спуска под воду за Мультанаки, и голова у него не совсем свежа. А что вы от него хотите?

– Глупейшее радио для капитана.

– А ну, покажите, в чем дело.

Кроппс взял у Вебстера бланк:

Капитану Губерту Джону Билькинсу. Северное полярное море, судно «Наutilus».

Из прессы стало известно о нахождении у вас на борту

норвежского геолога Зуля. Мы знаем истинные намерения Зуля. Считаем принятие его на борт «Наутилуса» неосмотрительным. Необходимо изолировать его от возможности исследования ископаемых богатств посещаемых вами островов. Вслед вам посылается воздушная экспедиция под начальством капитана Йельсона, которая доставит вам на борт американских геологов. Экспедиция вылетит с Аляски к точно указанным вами координатам. Необходимо оказать экспедиции полное содействие и подготовить возможность посадки для капитана Йельсона.

Подписал государственный секретарь Сонстим. Вашингтон.

Кроппс дважды прочел текст и вопросительно поглядел на Вебстера:

– Вы, мистер Вебстер, были вполне трезвы, когда принимали эту чушь?

– Мистер Кроппс, вы же отлично знаете, что только вы один сумели припрятать в своем рундуке виски... Дайте сюда депешу, я должен снести ее капитану.

Вебстер выхватил бланк у Кроппса и побежал к Билькинсу.

– Сэр... сэр... вам срочное радио.

Прочтя радио, Билькинс посмотрел на Вебстера так же, как только что перед этим смотрел Кроппс.

– Когда вы приняли эту галиматью, Вебстер?

– Десять минут тому назад, сэр.

– И дали квитанцию?

– А как же, сэр.

– На этот раз ваша аккуратность заслуживает только по-
рицания.

– То есть, сэр?

– Лучше было бы, если бы мы этого радио не получали.

Вебстер почесал затылок. Билькинс задумчиво вертел де-
пешу:

– Видите ли, Вебстер, угольные аппетиты Зуля интересуют меня сейчас не слишком, и мне совершенно наплевать на намерения тех почтеннейших геологов, которых везет сюда Йельсон. Если по пути он их всех угробит, я не буду особенно горевать. Но теперь уже я не могу не сделать всего возможного, чтобы облегчить Йельсону путь и посадку. Достаточно того, что сам старина Йельсон летит сюда к нам, – это искупает половину всех неприятностей. А вот вам, Вебстер, это лишний укор – мы не знали о том, что Йельсон уже настолько поправился, что даже летает. Все это, наверно, сообщалось по радио, а вы прозевали. А вы ведь, наверно, знаете, что Йельсон – мой лучший приятель и спутник во всех прежних походах.

– Не везет мне сегодня, сэр, – сокрушенно пробурчал Вебстер.

– Ну ладно, не огорчайтесь! Попробуйте связаться с Вашингтоном и получить самую точную информацию о том, когда, какие и в какую именно часть Арктики отправились с континентов или собираются отправиться экспедиции. Я

уверен, что об этой телеграмме государственного департамента знает уже весь мир и скоро по нашим следам устремится целая вереница всяких авантюристов. Они небось вообразят, что мы уже открыли здесь целый Уэльс с готовым Кардифом. Только хватай.

– О каком Уэльсе вы говорите, мистер Билькинс? – раздался за спиной капитана голос Зуля.

– Все из-за вас, милейший доцент. Целая каша. Придется вам теперь посидеть взаперти в лодке.

– Что вы хотите сказать, капитан? – сухо вато спросил Зуль.

– Не больше, чем уже сказал, мистер Зуль. Вы еще только собрались по секрету от всего света ставить столбы на островах, которых, может быть, и не существует, и извлекать из их недр уголь, которого, вероятно, природа не удосужилась создать, а Уолл-стрит, кажется, уже выпустила акции полярной угольной компании. Ну и, конечно, не норвежской, а американской.

Зуль на минуту изменился в лице. Глаза его заблестели незнакомым Билькинсу молодым и злым блеском. Но сейчас же доцент взял себя в руки и, как всегда спокойно, принялся пощипывать бороду.

– Тут какое-то недоразумение, мистер Билькинс, его надо выяснить, – медленно произнес Зуль.

– Ну, что ж тут выяснять, доцент? Вот вам радиограмма. Прочтите ее, и все станет ясно.

Зуль быстро пробежал радио и спокойно вернул его Билькинсу. Делано равнодушно он сказал:

– Мне ничего не остается, как подчиниться и самому подвергнуть себя домашнему аресту.

С этими словами он медленно пошел к лодке. Билькинс с сердцем плюнул и выругался:

– Черт их матери в бок! Они готовы из-за лишней тонны паршивого угля испортить человеку настроение на целый день. Мне искренне жаль старика, но ничего не поделаешь, придется урезать практическую сторону его любви к старому седому отцу Норду. Иначе мне самому не удастся больше получить ни одного доллара ни на одну экспедицию.

11. Доллары Зуля

Гудели моторы, и заунывно выло динамо. Снова дрожали перед вахтенным начальником стрелки приборов, и лаг отсчитывал милю за милей. В освещенном отсеке центрального поста прохаживался вахтенный штурман. Склонившись над штурвалами, сидели рулевые. В корме, в главном машинном отделении, как всегда, хлопали вахтенные механики. Кто не возился с машинами, тот был занят каким-нибудь мелким ремонтом у верстака, приделанного тут же к стальной переборке. Но светло было только в этих отделениях. И только в них шла жизнь и работа. Все остальные помещения лодки были погружены во мрак. Экипаж, утомленный

непривычно большой порцией воздуха, полученной на льду, и возней с двумя убитыми медведями, спал. Не слышно было даже обычных выкриков. Никто не ворочался на своих тесных жестких койках.

В кормовом кубрике было тоже тихо и темно. Слышалось только мерное посапывание нескольких человек. Не спал лишь один. Он ворочался с боку на бок и что-то потихоньку ворчал. Наконец, он встал и, обернув обрывком бумаги лампочку, включил свет. Мутное желтое пятно выхватило из мрака кусок стола и на нем крепкие короткие пальцы. Над пальцами, быстро перебиравшими листки записной книжки, нависала короткая борода с проседью. Это был Зуль.

Справляясь время от времени с записной книжкой, Зуль писал. Он перечеркивал написанное и снова быстро нанизывал на линейки мелкие аккуратные буковки. Обычная выдержка изменила доценту. Мысли его потеряли ясность. Слова выливались на бумагу вовсе не такими и не в том порядке, как ему хотелось. Между тем нужно было торопиться. Зуль хотел составить и зашифровать радиogramму раньше, чем проснется следующая вахта. Так, чтобы никто не видел.

Вдруг Зуль вздрогнул. Издалека, с самого низа лодки, где помещалась радиорубка Вебстера, донесся слабый треск будильника. Сквозь щель неплотно прикрытой двери резанул темноту острый луч света.

Зуль насторожился. Поспешно собрал свое писание, потушил лампу и, неслышно шагая, в темноте пробрался к ра-

диорубке. Так же неслышно он вошел в нее и, плотно прикрыв дверь, повернул ключ в замке.

Вебстер сидел уже с наушниками на голове и ничего не слышал. Зуль тихонько тронул его за плечо. Радист вздрогнул от неожиданности, резко повернулся к вошедшему. Зуль приложил палец к губам. Нагнувшись к самому уху Вебстера, он сам сдвинул его наушники и прошептал:

– Какая сумма вам нужна для того, чтобы больше никогда не спускаться под воду?

Вебстер не понял. Зуль пояснил:

– Я хочу знать, какую сумму вы считаете необходимым иметь на своем текущем счету в любом из банков мира для того, чтобы раз и навсегда покончить со службой и жить совершенно спокойно?

– А какое вам дело, мистер Зуль, до моего покоя?

– Сейчас узнаете. Сперва ответьте на вопрос.

– Я никогда не занимался...

– Тс-с, говорите тише.

– Я говорю, что никогда не занимался такими подсчетами, но думаю, что, имея десять тысяч долларов в надежном месте, мог бы позволить себе удовольствие не болтаться в подобных предприятиях. Лавка радиопринадлежностей – куда более спокойное место.

– Это много, я думаю, что за пять тысяч долларов вы можете открыть прекрасное дело. А мне нужна от вас небольшая услуга.

– От размеров услуги, мистер Зуль, по-видимому, зависят и размеры лавки? Так я вас понял?

– Совершенно верно, мистер Вебстер!

– Небось нужно, чтобы я принял какую-нибудь радиogramму, которую не собирается передавать ни одна станция? Это не подойдет.

– Нет, что вы, мистер Вебстер. Всего только отправить мою личную телеграмму семейного характера.

– Для этого вам достаточно разрешения капитана, и никаких расходов. Тут что-нибудь не так.

– В том-то и дело, что непременно условием является то, что никто на судне, включая капитана, не должен знать об этой депеше. И притом передать ее нужно, связавшись непосредственно с радиостанцией Осло.

Вебстер минуту подумал. Протянул руку:

– Покажите вашу депешу.

Взяв листок, Вебстер внимательно прочел его и вернул Зулю:

– Нет, это не пойдет. Ваш сын и его наследство кажутся мне подозрительными. Нет ли здесь какой-нибудь гадости против нас самих?

– Мистер Вебстер, мы напрасно теряем время. Вот депеша, которую вы передадите немедленно вслед за первой. Я вписываю сюда цифру семь.

Зуль черкнул карандашом и передал Вебстеру клочок. Прочтя его, радист прикрыл глаза. После минутного колеба-

ния он тихо сказал:

– Давайте вашу семейную... скорее.

– Но помните, мистер Вебстер, никто не должен знать.

Вебстер больше не слушал. Он поспешно настраивал станцию. Загудела динамо-машина. Ключ передатчика задрожал под ловкими пальцами радиста. Передав первой длинную депешу, он следом за ней торопливо выстукал и вторую:

Осло, норвежский банк.

Немедленно переведите текущий счет Чарльза Викюра Вебстера Нейшенель банк Нью-Йорк семь тысяч долларов. Зуль.

Доцент взял у Вебстера оба листка и тщательно изорвал их на мелкие клочки. Так же неслышно, как пришел сюда, Зуль вернулся к себе в кубрик. Нашупав в темноте свою койку, нырнул под одеяло.

12. Поручение большой важности

Спокойные высокие дома с широкими окнами, с просторными подъездами, с немногочисленными украшениями на солидных фронтонах ровной чередой обступили мостовую Бюгдоалле. По краям тротуара ровным подстриженным рядом встали деревья. Как и все улицы Осло, отстоящие боль-

ше чем на сто шагов от Кара-Иоганнесгате, Бюгдоалле тиха и покойна. Спокойно, не спеша, поблескивая на солнце по-пугайной раскраской, бегут по выложенной кружевным узором гладкой брусчатке маленькие автомобили. Спокойные румяные фрекен, молодые люди в пестрых кепи и седые солидные дельцы в солидных темных шляпах невозмутимо сидят за рулями. Никто не спешит, никто не волнуется, никто не нарушает чинной тишины Бюгдоалле. Изредка прошуршит широкими шинами приземистый автобус; прогудит редко-редко, чтобы издали предупредить о своем приближении перебегающую через улицу стайку маленьких школьников в форменных черных фуражках. Эти школьники – единственные прохожие, которым тишина аллеи и спокойная солидность обступивших ее темных домов не внушают никакого уважения. Они шумят, смеются, толкают друг друга и громко жуют широкими, как у галчат, розовыми ртами большие бананы.

В середине Бюгдоалле, на стороне, обращенной к берегу залива Бюгдо, стоит большое здание желтого цвета с зелеными шатрами островерхой крыши. Своим новым стилем, разляпистыми арками, желтыми стенами и яркостью зеленой крыши это здание кричит о том, что оно чужое здесь, на Бюгдоалле. На эту солидную улицу, с домами старой Норвегии, вклинилось что-то совершенно новое, чуждое коренастым людям в котелках и тихим дамам в темных старомодных шляпках.

И действительно, этот дом нов не только по своему облику. В его ярких стенах живет новая Норвегия – здесь помещается недавно созданный государственный институт по изучению островов Шпицбергена и Медвежьего. Здесь помещаются бюро угольных предприятий, разрабатывающих недра островов, заброшенных далеко от норвежских берегов в воды Северного Ледовитого океана. Эти предприятия были бы слишком смелыми для обитателей тихих домов Бюгдоалле, их создали новые люди, представители молодого промышленного капитала Норвегии. Институт и бюро – детище новатора в деле исследования и утилизации ископаемых богатств полярных островов, доцента университета в Осло, доктора геологии Альфреда Зуля.

В просторных светлых комнатах первого этажа за наклонными качающимися столами сидят люди в светлых халатах. Длинные линейки, рейсшины, лекала, циркули и транспортеры разложены на широких белых листах ватмана и на прозрачных, отсвечивающих ледяной голубизной полотнищах кальки. Люди в светлых халатах не спеша орудуют длинными рейсшинами и тонкими, как иглы, ножками циркулей. Они чертят, копируют, составляют проекты, считают. Геологические разрезы, профили и планы, вычерченные людьми в халатах, вскрывают – как анатомический атлас – недра далеких островов, гор, долин и заливов, отстоящих на сотни миль к северу от Полярного круга.

Норвегии, быстро развивающей свою промышленность,

нужен уголь. В скупых, твердых, как сталь, оголенных скалах самой страны нет ни крупички угля. Его нужно либо ввозить из-за границы, либо искать под вечной мерзлотой полярных островов.

Здесь, в тихих просторных комнатах, сотрудники Зуля ставят прогнозы, анализируют результаты уже сделанных разведок. Они ищут для Норвегии уголь.

В самой дальней комнате нижнего этажа, между стен, увешанных большими разноцветными картами и схемами, за огромным столом светлого дуба сидит директор Андерсен. Директор Андерсен живет всегда на Шпицбергене, но теперь он приехал сюда, в просторный кабинет желто-зеленого дома на Бюгдоалле, чтобы заменить уехавшего на север главу института и ждать от него известий о результатах рискованной экспедиции.

Сегодня директор Андерсен нервничает. Ему не сидится за широким столом. Посасывая темную сигару, он то и дело подходит к огромному зеркальному окну, выходящему на Бюгдоалле. Перед ним проходят чинные старые люди в старомодных визитках и черных котелках, пробегают жующие бананы резвые школьники, ровной редкой цепочкой текут неслышные разноцветные авто. Андерсен их не замечает. Сегодня ему кажется, что все это ненастоящее, не то, чего ему хочется, не то, чего он с таким нетерпением ждет.

Взгляд его немного оживился, когда из редкой цепочки авто отделилась маленькая машина и, плавно затормозив,

остановилась у подъезда института. Из авто выскочил юноша в высокой форменной шапке со значком и в куртке с двойным рядом сияющих медных пуговиц. Через плечо его висела маленькая сумка. Андерсен проводил его глазами до самой двери. Ему казалось, что в маленькой черной сумке телеграфиста должно лежать что-то особенное, то самое, чего так долго и с таким нетерпением он ждет.

– Господин Андерсен, срочная телеграмма.

Андерсен с нетерпением разорвал этикетку. Перед глазами замелькали бессмысленные слова о здоровье бабушки, о лошади сына и еще каких-то семейных делах.

Директор чрезвычайно обрадовался этим семейным новостям, хотя пока еще их истинный смысл оставался для него темным. Он сразу заторопился. Знаком отпустил служащего и, усевшись за письменный стол, положил перед собой бланк. Справляясь в своей записной книжке, он стал торопливо набрасывать расшифрованный текст. По мере того как его мохнатые седые брови сдвигались, глубокая морщина все резче и резче перерезала красную, блестящую кожу лба. Составив текст, он внимательно перечел его от начала до конца:

Директору Андерсену, Институт Севера, Бюгдоалле, Осло, Норвегия.

Распоряжением американского правительства я подвергнут аресту на лодке. Лишен всякой возможности произвести необходимые наблюдения и разведки по прибытии на ме-

сто. Сюда воздушной экспедицией перебрасываются американские геологи. Если есть какая-нибудь возможность, поддержите их отлет. Немедленно примите любые меры к тому, чтобы изъять меня с судна и дать возможность достичь неисследованной зоны. Лучшие всего используйте экспедицию Хансена. Переговорите с Гисером. Ответ шифром на «Наутилус».

Альфред Зуль.

Андерсен тщательно сложил листок и сунул его в бумажник. Усиленно дымя сигарой, он стал ходить по кабинету. Потом решительно подошел к письменному столу и несколько раз дернул вертушку автоматического телефона. Никто не ответил. Андерсен взволнованно задвигал бровями и еще раз накрутил тот же самый номер.

– Попросите господина Гисер-Зарсен... Что, некогда? Уезжает? Передайте: у меня дело исключительной важности.

Андерсен раздраженно забарабанил сухими длинными пальцами по столу. Тонкие черточки оставались на светлом лаке стола в местах прикосновения ногтей. Наконец в трубке громко звякнуло, и послышался твердый, уверенный голос:

– Здесь Гисер-Зарсен.

– Господин Зарсен, говорит директор Андерсен. Я только что получил срочную депешу от доцента. Содержание совершенно секретное. Мы должны возложить на вас поручение большой важности.

– Через час я должен уехать. Послезавтра дирижабль от-

летает из Фридрихсгафена. Фритьоф Хансен уже там. Едва ли мы успеем с вами даже переговорить.

– Хорошо, поезжайте на вокзал. Я приеду прямо туда. Провожу вас до границы. По дороге изложу вам все дело.

Андерсен бросил трубку и поспешно снял с вешалки шляпу.

13. Комбинация из пальцев Гисер-Зарсена

Громохая и звеня железом, скорый поезд неся к югу. Маленькие вагоны мотались из стороны в сторону. Пассажиры в отчаянии опускали газеты, не имея возможности проследить до конца строк пляшущие буквы. В вагоне-ресторане кельнеры в белых куртках, лавируя между столами, как во время морской качки, разносили налитые только наполовину стаканы, вставленные в коготье яйца и прикрытые колпаками кушанья. Пассажиры неуверенно поднимали стаканы ко рту, боясь расплескать содержимое.

В дальнем углу ресторана, там, где было меньше всего публики, сидели за столом двое: худой высокий старик с красным длинным лицом и большой, плотный, необычайно крупного сложения человек с круглым бритым лицом, изрезанным по обветренной коже мелкими жилками, – директор Андерсен и пилот Гисер-Зарсен.

Андерсен пил кофе и ел яйца всмятку. Гисер-Зарсен од-

ну за другой опрокидывал в себя рюмки аквавита, закусывая их тартинками с килькой. Разговор подходил к концу. Собственно говоря, Зарсен больше слушал, чем говорил: его ответы были коротки, почти односложны.

Зарсен не хотел говорить: Андерсен все равно ничего не понял бы из тех технических соображений, которые роились в голове пилота, пока он слушал сообщение Андерсена о затруднительном положении, в какое попал на далеком севере доцент Зуль. Интересы Зуля – интересы Норвегии. Интересы Норвегии – его, Зарсена, интересы. Раз Зуль попал в беду именно в связи с интересами Норвегии, Зарсен должен его выручить. Кроме того, Зуль был когда-то добрым приятелем самого Роальда Амундсена. А всякий, кто был другом покойного полярного волка, тем самым делался и другом Зарсена. Весь вопрос в том, как заставить громоздкую воздушную экспедицию немцев, в которой норвежцы принимают участие лишь как знатоки Севера и только вдвоем, – как заставить эту экспедицию идти именно туда, куда хочет директор Андерсен. Но теперь Зарсену и не хотелось думать об этих деталях. В голове у него так приятно звенело от аквавита, и ничто не представлялось настолько трудным, чтобы стоило терять время на размышления...

Крякнув после последней рюмки, Зарсен положил широкую жилистую руку на тонкую старческую кисть собеседника:

– Слушайте, господин Андерсен. Нет ничего, чего нель-

зя было бы сделать. Весь вопрос в том, что в одном случае нужно перед работой выпить стакан аквавит, в другом ее не следует пить за целую неделю до работы. Вот и вся разница. Не стоит теперь ломать голову над тем, как я все это сделаю. Удовольствуйтесь тем, что Гисер-Зарсен вам сказал. Зуль поставит ваши дурацкие столбы там, где это ему захочется, лишь бы нашелся клочок почвы достаточно крепкой, чтобы воткнуть эти столбы. Понимаете, Андерсен? Это говорю вам – я. А теперь не портите мне настроения вашим кислым видом и допивайте вашу бурду.

В дверях вагона показался кондуктор:

– Внимание, внимание. Прошу, господа, приготовить документы. Через пять минут граница. Поезд стоит четверть часа.

Гисер-Зарсен поднялся. Его голова почти упиралась в вертушку вентилятора. Длинный Андерсен казался почти маленьким рядом с огромным летчиком. Зарсен взял старика под руку.

– Ну-с, сударь, через пять минут вам придется повернуть оглобли. Передайте мой сыновний привет старушке-Норвегии. Пусть не горюет, я утру нос американцам – вот что они увидят вместо угля.

Зарсен сделал выразительную комбинацию из толстых красных пальцев. Стуча большими рыжими ботинками, он пошел к выходу.

II. «Пингвин»

1. «Пингвин» садится

Белланка «Пингвин» – последнее слово американской самолетостроительной техники. Широко раскинувшиеся монопланнне крылья слегка вибрировали под напором воздуха. На бешеных оборотах, так, что не слышно было выхлопа отдельных цилиндров, гудел Райт «Циклон». Разрывая пространство острым носом, сверля и дробя его металлическим пропеллером, «Пингвин» отбрасывал назад истерзанные ключья воздуха. Светло-голубая даль, приближаясь к самолету, делалась бледной, прозрачной, наполненной мириадами невидимых в отдельности пылинок. Все вместе эти пылинки образовали сверкающую туманность. Что-то вроде Млечного Пути, ползущего над поверхностью беспредельных ледяных полей.

Два геолога, сидевшие в тесной кабине «Пингвина», наблюдали проходившую под ними однообразную панораму. Изредка кочковатую белую поверхность торосистых полей прорезали темные полосы разводий. По мере удаления к северу этих разводий становилось все меньше, а промоины озер уже совершенно исчезли. Картина сделалась окончательно скучной, и геологи один за другим, уткнувшись носами

ми в пушистую оторочку своих совинок, спокойно заснули. У одного из них даже большие роговые очки съехали с носа и, зацепившись оглоблей, повисли на рукаве.

Утомление и сон геологов были совершенно понятны. Шел десятый час полета. Десятый час самолет резал воздух, и острые холодные струи врывались в кабину при каждой попытке открыть окно. Десятый час неумолчно ревел всеми семью сотнями лошадиных сил мотор. Однако, несмотря на долгий полет и усталость, ни пилот Йельсон, ни механик Гард не могли воспользоваться примером геологов. Тем более что Гард вместе со своими прямыми обязанностями исполнял еще работу радиста. Ему приходилось постоянно поддерживать связь с Номе на Аляске, с одной стороны, и с «Наутилусом» – с другой. «Наутилус» давал сигналы, чтобы помочь Йельсону сохранить правильное направление на ту точку, где теперь находился Билькинс. Крошечная точка затерялась в беспредельном просторе ледяных полей. Едва ли можно было рассчитывать найти ее при малейшей ошибке в ведении «Пингвина». Йельсон слишком хорошо представлял себе результаты такого рода ошибки, особенно после печального опыта своего последнего полета с Аляски к шхуне «Нанук».

Теперь Йельсон был еще более осторожен, чем всегда. Он напрягал все внимание, чтобы не сделать ни малейшей ошибки, читая показания приборов и наблюдая за дрожащими колебаниями компасной стрелки. Его рука, мягко нажи-

мая на штурвал управления, внимательно исправляла малейшие отклонения машины от заданного курса.

Наконец, на тринадцатом часу полета точка пересечения засечек, сделанных радиогонометром на Номе и на «Наутилус», почти совпала с теми координатами, что передал Билькинс как местонахождение подводной лодки. Одновременно Билькинс сообщил, что он вывел рубку лодки наружу и выкинул на мачте флаг. Место, наиболее удобное для посадки самолета, он обозначил стрелой, выложенной из брезентов.

Йельсон радостно улыбнулся Гарду. Приблизил рот к переговорной трубке:

– Ну, старина, на этот раз, кажется, мы свое дело сделали неплохо. Разбудите-ка этих тюленей, чтобы они не разбили себе носов при посадке.

Машина быстро теряла высоту. Йельсон уверенно вел ее к самому льду, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть поверхность полей и не пропустить знаков, выложенных Билькинсом на выбранной для посадки площадке. Через несколько минут ему показалось, что он видит впереди четкую стрелу на светлой поверхности поля. На некотором расстоянии от стрелы виднелась тонкая игла маленькой мачты с развевающимся флажком. По-видимому, это было то, что нужно. Но Йельсон нигде не мог рассмотреть рубки «Наутилуса». Не было поблизости ни одной полыньи или просто проруби, из которой эта рубка могла бы торчать.

«Странно, – подумал Йельсон, – может быть, Билькинс

перенес площадку на лучшее место, подальше от лодки?»

Он еще раз сделал круг над самым льдом. И снова мелькнула в голове недоуменная мысль: «Как будто все поле изрезано торосами. Почему Губерт выбрал такую дрянную площадку? Ведь здесь же почти совершенно невозможно сесть... Впрочем, Губерт, вероятно, выбрал лучшее, что можно было найти, он слишком опытен, чтобы ошибиться... А вон и человек машет внизу. По-видимому, выставленный дозорный... Придется садиться здесь, хотя вид у льдины такой, будто черт здесь в свайку играл».

Йельсон обернулся к Гарду:

– Делать нечего, буду садиться... Не впервой.

Йельсон разобрал по треплющемуся внизу флажку направление ветра и, сделав пологую спираль над полем, повел машину на посадку.

2. «Пингвин» сел

В кают-компании «Наутилуса» сидели Билькинс, Зуль и несколько человек экипажа. Закончился вечерний чай. Уже второй день люди томились неподвижностью лодки, прикованной к месту в ожидании прибытия самолета с геологами под управлением старого помощника и приятеля Билькинса – Йельсона. Билькинс хотел по возможности облегчить Йельсону ориентировку и потому с момента получения известия о том, что его друг готов покинуть аэродром в Номе,

оставался на одном месте. Несколько часов тому назад стало известно, что Йельсон вылетел. Билькинс немедленно выложил опознавательный знак на выбранной для посадки ровной ледяной поверхности и ждал прибытия «Пингвина».

Люди коротали время за дневниками и наблюдениями. За сутки помимо ряда интересных магнитных наблюдений удалось достать несколько проб воды и определить расстояние до морского дна. Глубина моря поразила даже Зуля, знавшего, что эти места должны быть одними из наиболее глубоких. Эхолот три раза подряд показал 7560 метров.

В промежутках между работами собирались в тесной кают-компании и слушали громкоговоритель. Бесконечные доклады и лекции о том, как следует увеличить удои коров на ферме, как приготовить пудинг без помощи огня, о новейших достижениях в области скрещивания домашних кур с фазанами, давно надоели и никого не интересовали. Далекими и скучными казались зажигательные речи политических деятелей и лидеров партий, призывавшие голосовать за сухого Вубера или за христианского Гильсона при выборах губернатора в штате Висконсин. Скучными казались и губернаторы, и куры, скрещенные с фазанами, и даже цифры потерь, понесенных американской полицией в стычке с безработными сборщиками кокосовых орехов на Филиппинах, не привлекали больше внимания. Вся кают-компания предпочитала невнятные звуки концертов, передаваемых из всех столиц мира. Только когда дело шло о последних новостях

про полярные экспедиции, про подготовку новых полетов, про успехи Бэрда, неумоимо орудующего в пределах су-
ровой Антарктики, люди соглашались пожертвовать очеред-
ным концертом.

И сегодня все шло, как обычно. Репродуктор с шипени-
ем выбрасывал на головы слушателей обрывки визгливого
джаза, изредка перемежаемого выкриками более мощных
станций. Никто не обращал внимания на эти сильные дре-
безжащие выкрики, тем более что многие из них приходи-
ли на языках, незнакомых никому из присутствующих. Но
вдруг среди какофонии передачи Зулю послышались знако-
мые звуки и даже целые вполне разборчивые слова. Репро-
дуктор заговорил по-норвежски:

– Слушайте... слушайте... говорит Осло... говорит Ос-
ло... Вчера экстренно выехал в Германию для участия в по-
лете к Северному полюсу на дирижабле «Граф Цеппелин»
наш известный пилот Гисер-Зарсен... До норвежской грани-
цы Гисер-Зарсена сопровождал коммерции советник дирек-
тор Андерсен... Мы надеемся...

Обрывок концерта и взрыв рукоплесканий заглушили
дальнейшую передачу Норвегии.

Зуль выронил ложку, которой размешивал какао. Он вни-
мательно оглядел всех присутствующих, желая убедиться в
том, что никто не заинтересовался переданным сообщением.
Встретился с внимательными глазами Билькина.

– Мистер Зуль, мне показалось или действительно сейчас

шла норвежская передача?

Зуль постарался сделать удивленное лицо.

– Когда? Я ничего не слышал... Мне кажется, что я не мог бы пропустить...

– Сообщали что-то про Гисер-Зарсена, но что именно, я не понял.

– А... – протянул разочарованно Зуль. – Вероятно, что-нибудь об их новых планах. Ведь они в свое время собирались принять участие в немецкой экспедиции на Северную землю. Только я не думаю, чтобы нам удалось увидеть где-нибудь в районе нашей работы эту экспедицию.

– Почему вы думаете?

– Их интересует совсем другая область. Главным образом южная часть Северного полярного моря... Хотя, вы знаете, когда осознаешь, что где-то в этих же краях, хотя бы за тысячу миль, бродят подобные тебе непоседы, перестаешь чувствовать себя таким одиноким.

– Да, пожалуй, вы правы, – сказал Билькинс, – особенно это чувствуется в воздухе. Там расстояния еще скрадываются... Что-то поделывает наш милейший Йельсон?

Билькинс встал и потянулся.

– Пойду сосну, – он посмотрел на часы, – как-никак, скоро полночь.

– Пожалуй, и я пойду на боковую. Арестованному больше нечего и делать, – с усмешкой сказал Зуль.

Они разошлись. Но Зуль не пошел к себе в кубрик, а свер-

нул на трап, ведущий вниз. Убедившись, что никто за ним не идет, он быстро сбежал по ступенькам и шмыгнул в каюту Вебстера. Через десять минут он вышел оттуда, довольно потирая руки и напевая себе в бороду. Во всяком случае, вид у него был совершенно не соответствующий удрученному настроению арестованного, томящегося невольным бездействием.

Придя в кубрик, Зуль застал там сонное царство. Производя как можно меньше шума, доцент собрал кое-какую мелочь в приготовленный заранее большой рюкзак и, крадучись, вытащил этот рюкзак на лед. Таким же образом он вынес свои лыжи с палками. Затем, спустившись последний раз, тщательно оделся в легкое и теплое платье; надев темные очки, вышел на верхнюю палубу. Около лодки никого не было. Доцент осторожно опустил стальную крышку главного люка рубки и затянул ее наружными задрайками.

Окончив эту работу, Зуль присел на край рубки и, сосредоточенно пощипывая бородку, задумался. Затем он встал и, решительно закинув за спину рюкзак, пристегнул лыжи. Легко скользя по смерзшемуся снегу, быстро пошел на запад от лодки. Лыжи стучали по снежным сугробам. Пройдя несколько шагов, Зуль остановился и внимательно осмотрел поверхность снега – на том месте, где он только что прошел, не было никаких следов лыж. Удовлетворенно крикнул и быстро зашагал дальше. Шел не спеша, без всяких усилий переставляя ноги, почти не отрывая лыж от снега и только

слегка опираясь на палки. Так прошел с километр.

Сбросив лыжи, Зуль влез на высокий торос и огляделся. Рубки «Наутилуса» не было видно из-под льда. К западу был виден знак, разложенный на гладкой льдине для Йельсона. Дойдя до него, Зуль быстро скатал брезентовые полосы и, взвалив их себе на плечи, повернул на восток.

Пройдя «Наутилус» и удалившись от него на два-три километра, Зуль влез на высокий торос и огляделся с него. «Наутилуса» не было видно. Зуль проверил себя, внимательно обведя горизонт цейсом.

Спустившись с тороса, надел лыжи и снова зашагал на восток. На этот раз он внимательно оглядывал расположенные вокруг ледяные поля. Наконец остановился около небольшой площадки, изрезанной во всех направлениях невысокими острыми порогами, припорошенными снегом и различными только при внимательном рассмотрении. Зуль даже присел, чтобы вернее оценить высоту этих ледяных складок. Он подошел к одной из них и ткнул несколько раз лыжной палкой. Под тонким слоем слежавшегося плотного снега звенела твердая, как железо, поверхность льда. Зуль с удовлетворением осмотрелся, оценивая многочисленные торосы, тесной стеной обступившие площадку. Как зубья пилы, рисовались их вершины на голубом фоне неба. Края ледяных холмов сверкали, точно наточенные напильником; в ослепительном сверкании их контуры почти сливались с сиянием бледного неба.

Зуль сбросил рюкзак и принялся за работу.

В самой середине ледяной площадки выложил из нескольких полотнищ стрелу. С края воткнул одну из лыжных палок с прикрепленным к ней длинным флажком. После этого Зуль взобрался на торос и уселся. Вынув плитку шоколада и галету, он спокойно принялся завтракать.

Прошел час. Второй. Зуль уже несколько раз слезал со своего тороса и совершал небольшие прогулки, чтобы согреться. Во время одной из таких прогулок ему показалось, что он слышит отдаленный шум самолета. По мере того как Зуль поспешно бежал к своей площадке, шум делался все более и более явственным. Вскоре Зуль мог уже видеть приближающийся с юго-востока на значительной высоте самолет. Зуль еще раз внимательно осмотрел сделанные им знаки и остался вполне доволен. Влезши на торос, он принялся терпеливо ждать приближения машины.

Скоро мотор загудел над самой головой доцента. Самолет сделал петлю. У Зуля запрыгало сердце. Он нервно тербил бородку. Самолет описал полный круг и стал быстро снижаться. Зуль не выдержал и радостно замахал руками.

Вдруг у Зуля захватило дыхание. Самолет снова стал набирать высоту и пошел по прямой на запад.

– Он сейчас увидит лодку...

Зуль побежал за самолетом. На бегу он зацепился за осколок льда и кубарем покатился с гряды прямо на площадку. Но тут же с ловкостью молодого тренированного спортсмена

вскочил на ноги и снова замахал руками.

Точно заметив его призыв, самолет повернул и на этот раз пошел прямо на площадку, быстро теряя высоту. Только тут Зуль сообразил, что его тревога была напрасной: летчик просто выбирал направление для посадки против ветра.

Зуль прислушался к характерному шуршанию воздуха, обтекающего быстро движущуюся машину. Во время посадки его не заглушает рев мотора. Только своеобразный свист растяжек врывается в это шуршание. Слух Зуля был напряжен до такой степени, что ему казалось: выстави кто-нибудь из летящих палец, внизу станет слышно обтекание воздуха около этого пальца.

Машина стремительно приближалась. С каждой секундой расстояние между льдом и повисшими в воздухе остроносыми лыжами сокращалось. Вот послышалось грохотание первого прикосновения самолета ко льду. Подпрыгивая на порогах, машина побежала по площадке. Поддаваемая буграми, она совершала нелепые скачки. Наклонялась к самому льду то правым, то левым крылом.

«Как пьяная ворона», – подумал Зуль.

«Пингвин» прыгал все сильнее. На запорошенном снегом высоком пороге, в самой середине площадки самолет подскочил особенно сильно, как-то на одной лыже – боком. Его крыло коснулось льда. Весь самолет моментально завернул в сторону этого крыла. Лыжи уперлись в ледяную кочку. Машина быстро задрала хвост. Послышался отчаянный звон

стекла и металла. Из-под уткнувшегося в лед носа машины брызнули осколки пропеллера. Постояв на попу, самолет точно минуту размышлял, потом при звуках раздавливаемого и ломаемого дерева упал на спину. Из-под мотора вырывался пар от снега, растопленного горячими цилиндрами. Зуль подумал, что самолет загорелся, и, закричав как безумный, бросился к машине.

Когда он, совершенно запыхавшись, подбегал к самолету, сквозь разбитые бортовые стекла пилотской кабины продирался коренастый человек с обветренным, почти синим от мороза и напряжения лицом. Зуль помог ему выбраться наружу и, не зная, что сказать, растерянно смотрел на него. Но через минуту уже овладел своими нервами и деловито спросил:

– Разве вы один? Где ваши спутники? Они целы?

– Не беспокойтесь, все в порядке. Они целы и сейчас вылезут. А вы приготовьте свои бока, если вам мы обязаны выбором этой площадки. Если бы вы не были седы, я бы назвал вас своим именем и дал бы вам понюхать вот этого, – злобно ответил Йельсон, поднося к носу Зуля здоровенный кулак в огромной меховой рукавице.

Зуль не сморгнул. Он совершенно спокойно спросил в свою очередь:

– Гисер-Зарсен с вами?

– При чем тут Гисер-Зарсен?

– А для кого же я приготовил, по-вашему, эту площадку,

как не для капитана Гисер-Зарсена, pilota норвежского королевского воздушного флота? А кто вы-то, собственно, такой?

– Старая мочала... Гисер-Зарсен, Гисер-Зарсен! Да что вы, воображаете, что стоите на Бродвее и сливки авиационного общества то и дело шныряют тут в своих лимузинах? Экая шляпа, право! Ему, видите ли, нужно видеть Гисер-Зарсена!.. Ха, ха, ха... подождите еще годик на этом перекрестке, может быть, он и заедет сюда на минутку, чтобы с вами переговорить.

Зуль терпеливо выслушал летчика и затем еще раз спокойно спросил:

– А вы кто такой?

– Я Йельсон.

– А, мистер Йельсон! Очень приятно познакомиться – доцент Зуль.

– Очень рад. Но почему, собственно, вы здесь и где «Наутилус»?

– Где «Наутилус» – я вам сказать не могу, так как примерно двое суток тому назад расстался с любезнейшим капитаном Билькинсом. А нахожусь я здесь, как уже сказал, в ожидании капитана Гисер-Зарсена, с которым у нас назначено свидание.

Йельсон подозрительно посмотрел на Зуля. У него мелькнула мысль о том, что перед ним сумасшедший. Но доцент держался так спокойно и с таким достоинством, что Йель-

сону пришлось отказаться от своего предположения. Однако удивление от необычности встречи и всех обстоятельств, сопровождающих его посадку, росло. Необычайное спокойствие Зуля возбудило в Йельсоне другие подозрения.

— Как вы полагаете, где же мы можем теперь отыскать Билькинса?

— Я думаю, что возможность эта совершенно исключена. Он ушел в направлении на северо-запад и собирался ожидать вас примерно в ста милях отсюда. Не может быть и речи о том, чтобы идти за сто миль, не связавшись с ним по радио и не установив точно его место. Да и вообще поход по льду на таком расстоянии в здешних условиях является совершенным безумием.

Йельсон задумчиво набивал трубку. Тем временем Гард помогал американским геологам вылезти из опрокинутого самолета.

Лица обоих американцев расплылись от удовольствия при виде доцента.

— Как, господин Зуль? Значит, и «Наутилус» тоже здесь?

Однако Йельсон их быстро разочаровал. По мере того как он передавал им сообщение Зуля, лица их вытягивались. Но Йельсон не дал им времени на жалобы. Он решительно командовал:

— Ну, довольно разговоров! Принимайтесь-ка за вытаскивание из-под самолета всего, что еще сохранило образ и подобие целых вещей. Самолет в таком состоянии, что нам

придется, вероятно, просидеть здесь не один денек в ожидании помощи.

Через час на льду выросли несколько аккуратно разложенных кучек различного имущества, снаряжения и съестных припасов. Пушистой горой громоздились спальные мешки. Глядя на все это, Йельсон окончательно развеселился.

— Трудно, в конце концов, сказать, везет мне или не везет. Если бы мне везло, то я, вероятно, не попал бы в такую передрагу, только что выздоровев от лишений, перенесенных в прошлогоднем полете на выручку старого Свенсона. А если бы мне окончательно не везло, то, вероятно, я переломал бы себе сейчас все кости вместо того, чтобы ограничиться разложением на составные множители злополучного «Пингвина» и иметь в перспективе вкусный завтрак. Господа, кто за завтрак?

Возражений не последовало, и спутники Йельсона принялись деятельно хлопотать над приготовлением еды. Другие тем временем расставили небольшую легкую палатку и разобрали спальные мешки. Скоро площадку льдины нельзя было узнать — на ней вырос настоящий маленький лагерь.

Зуль держался немного в стороне, но, после того как его пригласили принять участие в еде, он притащил свой рюкзак и расположился около палатки.

После завтрака весь экипаж, утомленный длительным полетом и изрядной встряской, полученной при посадке, улегся спать. Зуль сделал вид, что тоже укладывается. Однако,

как только в палатке все затихло, он осторожно встал и пробрался к радиоаппаратуре, вытащенной из разбитого самолета Гардом. Глядя на тщательно очищенные Гардом от снега и уставленные в ряд приборы, Зуль на минуту задумался. Но затем решительно нагнулся и, открыв пробки аккумуляторов, опорожнил их.

3. Обличение Зуля

Жизнь на льдине, названной Йельсоном «Островом Пингвина», текла благополучно в той мере, в какой может быть благополучной жизнь пятерых людей, отрезанных от всего мира и запертых на клочке плавающего ледяного поля. Вся партия имела полную свободу передвижения и при желании могла покинуть место злополучной посадки «Пингвина». Но страх оторваться от точки, расположение которой более или менее точно известно внешнему миру, и идти в белую неизвестность с очень призрачной надеждой на возможность достижения земли, приковывал людей к месту. Единственное направление, в котором имело бы смысл искать берега, была Северная земля, открытая в 1913 году капитаном Вилькицким и названная им Землей Николая Второго. Но точное положение берегов этого острова никому не было известно, так же как никто не знает до сих пор, на какой именно широте расположена его северная оконечность. Поэтому движение было бы в достаточной степени гадательным. Трудно

было рассчитать время, необходимое для достижения этой земли. Каждый градус, каждая миля движения во льдах даются крайне дорого и отнимают очень много времени. Даже если считать правильным предположение, что Северная земля оканчивается где-то под 81-м градусом северной широты, то и это все же достаточно далеко для того, чтобы рискнуть двинуться туда с наличным запасом продовольствия. Еще меньше шансов достичь Новосибирских островов, хотя «Остров Пингвина» и находится примерно на долготе этого архипелага.

Йельсон напрасно ломал себе голову, придумывая выход. Каждый раз он приходил к тому, что совет Зуля – сидеть на месте и ждать прибытия Гисер-Зарсена, в прилет которого доцент верил с завидной твердостью, – является наиболее целесообразным и единственно выполнимым в данных условиях.

Поэтому все внимание Йельсона сосредоточилось на том, чтобы сделать пребывание на льду возможно более безопасным и удобным. Палатку расширили. В ней нашла приют вся партия, включая Зуля.

Идти на соединение с Билькинсом, блуждающим где-то в северо-восточном направлении, было бы совершенно неразумно, так как, по словам Зуля, «Наутилус» двинулся в путь раньше, нежели «Пингвин» совершил свою роковую посадку на лед. Радиосвязи с внешним миром нет. Из-за того, что при аварии аккумуляторы потеряли всю жидкость, нельзя было

наладить даже прием, не говоря о невозможности дать о себе знать земле или экспедиционным судам, находящимся в северных водах. Да даже и будь такая связь налицо, на реальную помощь со стороны судов едва ли можно было рассчитывать, так как пройти в эти широты суда сами не могут, а снарядить поисковую партию на санях могли бы только те из них, которые располагают достаточным числом ездовых собак. На это же трудно рассчитывать.

Все это приводит опять-таки к тому, что единственно целесообразным следует считать пребывание на одном месте. При одной, конечно, предпосылке, что внешний мир знает их местоположение по связи, ранее установленной у Зуля с Гисер-Зарсеном. Если же отбросить это условие, то... то у Йельсона возникали мысли, о которых он предпочитал ничего не говорить своим товарищам. В минуты сомнений Йельсон начинал только подробнее расспрашивать об основаниях, какие имел Зуль для утверждения, что Гисер-Зарсен действительно прилетит за ним.

– Послушайте, мистер Зуль, времени прошло достаточно. Зарсен мог бы быть уже здесь.

– Нет. Он полетит не один, а с большой экспедицией. Что-нибудь могло задержать отправление экспедиции. Нет ничего удивительного в задержке на несколько дней. Если бы нам пришлось прождать здесь и несколько недель, я не стал бы отчаиваться.

– Но ведь мы не можем даже произвести астрономических

наблюдений для того, чтобы сказать, насколько льдина ушла от тех координат, что вы сообщили Зарсену и к которым он, несомненно, будет держать путь, разыскивая вас.

– Я с достаточной точностью за время похода «Наутилу-са» определил основное направление дрейфа льдов в этой полосе, так же как и скорость этого дрейфа. Мы уклоняемся к норд-норд-весту примерно со скоростью в две с половиной мили в сутки. Больших отклонений от направления скорости быть не может. Вероятнее всего, что мы идем зигзагами, но именно в этом основном направлении. Припомните основное направление дрейфа «Жанетты» Де-Лонга, наведшее Нансена на самую мысль о возможности пересечь в дрейфе полярный бассейн в направлении от Берингова пролива к берегам Гренландии. Припомните, наконец, те данные, которые мы имеем от штурмана Альбанова о направлении такого же невольного дрейфа несчастного Брусилова на «Святой Анне». Всего этого совершенно достаточно для того, чтобы почти исключить возможность ошибки в определении постоянной скорости и направлении поверхностных течений в этой части Ледовитого океана. Кроме того, Зарсен полетит в обществе такого опытного полярного путешественника, что наша судьба находится в совершенно верных руках.

– Таинственность ваших сообщений мне не очень нравится, мистер Зуль, – медленно проговорил Йельсон.

Ему становилась подозрительной неохота, с которой Зуль

делился сведениями об экспедиции Зарсена. Особенно в сопоставлении с обстоятельствами последнего полета «Пингвина» это наводило на грустные размышления. Ведь «Пингвин» все время получал совершенно точные указания о местонахождении «Наутилуса» от самого Билькинса. В течение всего полета счисление пути не порождало никаких сомнений в правильности навигации, и вдруг оказывается, что они ошиблись на расстояние двухсуточного хода «Наутилуса», то есть почти на пятьсот миль. Здесь было что-то странное. Но понять, в чем же именно дело, Йельсон не мог. Объяснения Зуля, касающиеся причин, понудивших его расстаться с «Наутилусом», позволяли только предположить наличие крупного недоразумения между ним и Билькинсом, но не поднимали завесы над всем происшествием в целом.

Однако все эти размышления и сомнения, как ни были они тяжелы и как ни нуждался Йельсон в совете, он держал про себя, боясь разрушить общую уверенность в благополучном исходе предприятия. Из числа пяти только он, Йельсон, и Зуль отчетливо знали, что такое Арктика, и знали, как следует поддержать дух и силы людей, живущих в лагере на льду. Когда все, что только можно было придумать для обеспечения лагерю безопасности и удобства, было сделано, Зуль стал руководить лыжными прогулками, а Йельсон организовывал правильные занятия боксом, считая, что этот вид спорта лучше всего сохраняет мускульную энергию людей и не дает ослабляться и распускаться нервной системе. Помимо это-

го, несмотря на непривычку большинства к жизни при постоянно светящем солнце, Йельсон завел совершенно правильный распорядок дня, заставив всех подчиняться определенному расписанию жизни. Вечера, когда люди валялись в своих спальных мешках, страдая бессонницей и ворочаясь с боку на бок, он решил наполнить рассказами, заставив в первую очередь Зуля исчерпать весь запас своих воспоминаний о скитаниях по Шпицбергену. Это начало оказалось вполне удачным. Зуль, будучи геологом, наполнял свои рассказы такой массой специальных подробностей, что его американские коллеги слушали не отрываясь.

Когда пришла очередь рассказывать самому Йельсону, он решил начать с описания своего последнего полета на север, того самого, который вследствие неудачи привлек к себе внимание всего мира и сделал популярными имена самого Йельсона и его тогдашнего спутника – механика Горланда.

В тот день в лагере никого не было, все ушли с Зулем в лыжный пробег. Один Йельсон остался дежурным и должен был приготовить к возвращению товарищей ужин – гороховый суп и какао. Суп давно кипел, и все было подготовлено к тому, чтобы залить какао сухим молоком, разведенным в растопленном снегу. Но лыжники сегодня задержались дольше обыкновенного. Наконец, когда Йельсон уже собирался потушить примус, он сквозь приподнятый полог палатки увидел на окружающем площадку кольцо торосов людей. Однако, вместо того чтобы, как всегда, быстро спу-

ститься с острых ледяных бугров и стремительно побегать наперегонки к лагерю, на этот раз лыжники двигались очень медленно. Они несли что-то большое и тяжелое.

– Эге, вероятно, тюлень. Свежая тюленья печенка – это не так плохо, – обрадовался Йельсон и пошел навстречу прибывшим.

Но уже на полпути он увидел, что это не тюлень. Тюленей, какую бы редкую добычу они ни составляли, не носят на руках. Еще через минуту он увидел, что лыжники несут человека. От удивления Йельсон даже остановился.

Когда группа спустилась с торосистой гряды, от нее отделился Зуль и быстро побежал к лагерю.

– Мистер Йельсон... мистер Йельсон... мы нашли Мультаки.

– Кто такой Мультаки?

– Да водолаз же!

– Какой водолаз? Что ему нужно на восемьдесят третьем градусе северной широты?

– Мультаки с «Наутилуса».

Тут наступила очередь Йельсона взволноваться. Он даже подался всем корпусом вперед.

– Значит, что-то случилось с Билькинсом?

– Да нет же, Билькинс здесь ни при чем, – раздраженно ответил Зуль и вкратце рассказал историю исчезновения Мультаки.

– Выходит, что уверенность Билькинса в своих ребятах

была вполне правильной, хотя и неосновательной. Он сказал, что не верит тому, что Мультанаки погиб, так как спутники Билькинса никогда не погибают, — закончил Зуль.

— Да, и Губерт прав, — восторженно воскликнул Йельсон, — я тому живое доказательство.

— Поживем — увидим, капитан, — скептически возразил Зуль.

— Ну ладно, не каркайте... Вон несут вашего водолаза. Нужно приготовить все для подачи ему помощи. Займитесь-ка этим, доцент. Вам и книги в руки.

— Не думаю, чтобы мы могли ему чем-нибудь помочь, — заметил Зуль, — ведь он пробыл на льду целую неделю без пищи и теплого платья.

Действительно, когда Мультанаки положили в палатку, Йельсон убедился в том, что Зуль прав. Водолаз доживал последние часы, если не минуты. Глаза его совершенно утратили жизнь. Тусклые оловянные пуговицы глядели с посиневшего лица. Если голова, защищенная толстым шлемом, и не пострадала от холода, то значительно хуже было с конечностями. При попытке стащить с ног оледеневшие шерстяные чулки, Мультанаки потерял сознание. Из-под носков глянули совершенно потемневшие отмороженные ступни. Темная краснота воспаления доходила уже до половины икр. В таком же состоянии были и руки. Кроме того, на руках были глубоко обломаны все ногти; концы пальцев левой руки раздроблены, хотя в посиневшем распухшем мясе и трудно бы-

ло определить что-нибудь с точностью.

Конечности Мультанаки были промыты спиртом и перевязаны. При помощи крепкого кофе водолаза привели в чувство, он сделал попытку заговорить, хотя, видимо, это и было ему чрезвычайно трудно.

— Плохо то, что я очень сильно промок... Этот проклятый медведь, от которого я с таким трудом удрал в глубину, все-таки хватил меня лапой по спине, когда я всплывал мимо него на поверхность. Он разодрал мне костюм... Но, может быть, это и к лучшему, из-за этой задержки я не так стремительно всплыл и не ударился об лед... Дело в том, что я не попал сразу в полынью, а, всплыв, уперся головой в лед... Вероятно, от сотрясения мозга меня спас скафандр: я его стащил только после того, как очухался на льду... Да, как я всплыл?.. А очень просто: я отрезал ножом грузы тотчас, как увидел, что лопнул трос...

Мультанаки от утомления закрыл глаза. Только после новой порции кофе он продолжал:

— Вся беда в том, что я всплыл по другую сторону айсберга, около которого стоял «Наутилус». До меня доносились голоса... Мне смутно помнится даже, что не раз упоминалось мое имя... впрочем, может быть, мне это показалось... Дать о себе знать я не мог. Так продрог еще в воде, что почти совершенно лишился чувств и не владел голосом. У меня сводило челюсти, я не мог ничего выговорить, только мычал... Перейти на их сторону я тоже не мог: меня от-

деляла от айсберга полоса воды... Немного отдышавшись, сделал попытку двигаться и пытался согреться, но из этого мало что вышло. Двигаться было очень трудно, так как платье совершенно заледенело и образовало на мне настоящий ледяной футляр. Я его потом едва сбросил... Попытался отжать свое шерстяное белье, но и это было мне не по силам... Так и остался... Но все-таки я пошел в обход полыни в надежде, что обогну ее раньше, чем «Наутилус» покинет свою стоянку. Я полз больше на четвереньках... выходило очень медленно. Я даже не знаю, сколько дней у меня ушло на то, чтобы пройти половину этой проклятой полыни. Вероятно, много... Но утешением мне служило то, что в просветах между торосами я теперь видел мачту «Наутилуса» и его антенну. Иногда мне удавалось видеть даже самый краешек рубки, или, вернее, поднятую крышку люка. Я пробовал подавать сигналы, но, по-видимому, такие моменты совпадали всегда с ночью, потому что никто из людей не появлялся на льду... Однажды я видел, как кто-то стал выносить из рубки вещи. Я прекрасно различил среди вынесенного лыжи. Пробовал закричать... человек поднял голову и прислушался... Но он стоял ко мне спиной и не мог видеть, как я размахиваю руками... Это были самые скверные минуты моего странствия вокруг полыни... Я отчетливо видел, как, выйдя из рубки, этот же человек опустил крышку главного люка. Вероятно, «Наутилус» собирался уходить, но тогда непонятно было присутствие человека на льду...

Мультанаки умолк, набираясь сил для дальнейшего рассказа. Зуль крепко сжал сцепленные пальцы, чтобы не показывать окружающим, как дрожат его руки. Ему хотелось броситься на водолаза и заткнуть ему рот или просто схватить его за горло, чтобы заставить замолчать. Сейчас этот грек наберется сил и расскажет о том, какой вид имел человек, захлопнувший люк «Наутилуса».

Судьба Зуля будет решена несколькими словами умирающего.

Мысли вихрем неслись в голове Зуля. Он придумывал выход за выходом. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы не дать почувствовать другим своего волнения. Как упершуюся в затылок раскаленную железную палку, Зуль чувствовал на себе жесткий взгляд Йельсона. Но он решил, что ничто не заставит его обернуться на этот взгляд.

Вдруг новая мысль мелькнула у него в мозгу. Выход совершенно неожиданный. Он решил сам рассказать все, как было.

Зуль еще крепче сжал пальцы.

– Послушайте... – начал он.

4. Мультанаки кончает свой рассказ

Йельсон гневным жестом прервал Зуля, не дав ему говорить.

Мультанаки открыл глаза и продолжил свой рассказ:

– Впрочем, я не очень долго думал над этим... Мне тогда хотелось только одного: как можно скорее добраться до лодки, а для этого нужно было во что бы то ни стало обогнуть бесконечную полынью. И я шел, цепляясь за лед. Как больной щенок, скулил от холода и боли. Я редко вспоминал о том, что голоден, настолько я был занят мыслью о необходимости двигаться вперед. Прошли, вероятно, еще сутки, может быть, много больше, а может быть, и значительно меньше... может быть, даже только час... Я перестал различать время. Это не имело для меня никакого значения, а требовало большого умственного напряжения; я был на него неспособен... И вот тут-то, когда я думал, что нахожусь уже довольно далеко от айсберга и близок к концу полыни, произошло нечто, чего я до сих пор не в состоянии как следует осознать: послышался грохот и характерное скрежетание, какое издают льдины, когда ломаются, ударяясь друг о друга; вершина айсберга наклонилась в мою сторону. Я увидел, что нахожусь от нее совсем близко. Сорвавшиеся со склона ледяной горы осколки полетели в мою сторону и падали вокруг меня, как снаряды во время канонады. Один из них, как я потом увидел, и раздробил мне руку. Но тогда я на это даже не обратил внимания, так как все мои мысли были сосредоточены на чем-то совершенно необычайном: вершина айсберга стала стремительно наклоняться к воде. А к боку этой огромной ледяной горы прилепилось то, ради чего единственно стоило ползти на карачках в этих окайненных

льдах – «Наутилус». Судно вмерзло в ледяной склон и вместе с ним стремительно поднималось на воздух. Но, по-видимому, сила сцепления оказалась недостаточной, чтобы преодолеть тяжесть лодки, и «Наутилус», поднявшись на высоту нескольких метров, со звоном и грохотом низринулся в воду. Через секунду я увидел только пенистый всплеск воды, и «Наутилус» исчез... Долго еще пролежал я на том месте, где над мелькнувшей передо мной серой сигарой сомкнулись ледяные поля... Больше мне некуда и незачем было двигаться...

Мультианаки устало закрыл глаза.

5. Йельсон утверждает, что нет положения, из которого нельзя было бы выйти

В палатке царил полумрак. Люди лежали, завернувшись в меховые мешки. Под впечатлением рассказа водолаза все притихли. Скучно прошел ужин. Молчаливо собрались спать. Но Йельсон решил все-таки рассеять тяжелое впечатление и, вопреки очевидности выводов, какие следовало сделать из сообщения Мультианаки, упрямо сказал:

– Билькинс любил всегда говорить, что ему не везет. Но я все-таки думаю, что он не прав. Вы вот небось строите самые печальные предположения о судьбе «Наутилуса», а я готов поставить десять против одного за то, что Билькинс останет-

ся невредим и вытащит из этой передрыги всю команду даже в том случае, если лодка потерпела аварию. Надо вам сказать, господа, что пресловутый Север вовсе не так страшен, как это принято думать широкой публике. Я говорю, конечно, о тех случаях, когда попавшие в его ледяные лапы люди не представляют собою беспомощных ягнят, а сами достаточно зубасты и могут постоять за себя.

Зуль многозначительно крикнул в своем углу. Йельсон посмотрел в его сторону.

– Вы ворчите там, доцент, желая, по-видимому, вступить за всемогущество и несокрушимую силу Севера, а я берусь показать, что для опытного и сильного человека здесь почти не существует такого положения, которое можно было бы назвать безнадежным. Я считаю Билькинса, безусловно, гораздо более опытным и крепким парнем, чем я, а даже мне пришлось, не дальше как в предыдущей экспедиции, быть в положении, которое весь культурный мир считал безнадежным; однако, как видите, я здесь, и вся моя конструкция вполне исправна. Ведь нельзя же считать существенным ущербом отмороженные пальцы на одной ноге. И без ног люди живут, а без пальцев и подавно жить можно.

Один из геологов высунул из мешка нос:

– Мистер Йельсон, по-моему, ваша очередь сегодня рассказывать нам занимательные вещи для усыпления. Так расскажите лучше всего, как вы тогда потерялись, ведь никто из нас толком этой истории не знает.

– То, что вы откровенно собираетесь засыпать под мой рассказ, должно, по-вашему, особенно поощрять? Но я нетребователен и, если хотите, все-таки расскажу вам, как мы с Горландом поблуждали в Сибири.

Йельсон долго копался в глубоком кармане своего мехового комбинезона и вытащил оттуда большой портсигар.

– Последняя пачка папирос. Целятся на вес золота и даже дороже, но я, по-видимому, должен расположить слушателей в свою пользу или хотя бы дать им возможность лишние четверть часа не клевать носом – каждый получает по папиросе.

Из мешков потянулись жадные руки. Йельсон выдал всем по папиросе и, закулив свою, начал:

– Вы помните, вероятно, из-за чего нам пришлось в октябре тысяча девятьсот двадцать девятого года начать целую серию полетов с Аляски в район мыса Северного у Чукотской земли? Там застрял во льдах на зимовку старый Свенсон на своем «Нануке». Дрянное маленькое корыто этот «Нанук», и, конечно, Свенсону приходилось на нем несладко. Впрочем, речь шла не о том, чтобы выручать самого Свенсона, – он в этом не нуждался и способен просидеть во льду сколько угодно, как медведь, сося свою лапу. Удивительно крепкий старик! Вы помните, как он прошел зимой 1928 года на собаках с зазимовавшей шхуны в Москву только для того, чтобы поругаться с советским Госторгом, помешавшим ему вывезти заготовленную пушнину по воздуху? Это был номер...

Но, впрочем, сейчас не об этом. «Нанук» вмерз крепче, чем нужно, и обречен был на зимовку. А на «Нануке» у старого Свенсона был результат годового сбора пушнины – ее нужно было как можно скорее доставить в Америку. Иначе старик нес большие убытки, а не в его привычках терять доллары там, где он считает их принадлежащими себе. Вместе с необычайной крепостью и, если хотите, даже широким иногда размахом настоящего исследователя в нем уживается душа невероятно скупого торговца. Он, как никто, понимает, что время всегда дороже денег. А что может сохранить время лучше аэроплана? Свенсон уже отлично знал, что лучшего ничего не найдешь, и потому стремился организовать переброску мехов с «Нанука» на Аляску именно по воздуху. А тут еще один грузик застрял на «Нануке» – дочь Свенсона. Ее он тоже не хотел оставлять на зимовку во льду на своей поганой шхуне. Вероятно, старик считал, что и этот товар может потерять в цене от лишнего года непроизводительного лежания на боку. В отеческие чувства старика я не верю, тем более что и девица-то не из тех, что нуждаются в особенной опеке, – вполне под стать папаше. Ну, как бы там ни было, а нам предложили по примеру прошлого года слетать к «Нануку» и перебросить на материк все, что нужно. Мы не имели никакого основания отказываться от такой работы. Она не только интересна, но после нее как-то значительно веселее чувствуешь себя с распухшим от долларов бумажником. Летать нам приходилось не впервой – в 27-м году я даже ку-

бок Хармана получил за такую же работу.

— Ну-с, на этот раз мы пошли в полет с механиком Горландом. Славный парень. Первый полет мы совершили в более или менее сносных условиях. Прилетели к «Нануку» и сняли с него наиболее ценные грузы — дочку Свенсона и партию шкурок сибирских чернобурок. Все это мы преблагополучно доставили в Теллер. И вот тут-то мы сделали величайшую глупость, какую только могли придумать. Чтобы понизить служебную нагрузку нашего самолета, мы сняли радиостановку. Мы глупейшим образом польстились на 30 кило, что весила вся аппаратура... Сменив лыжи, немного поврежденные в первом полете, мы снова вылетели к «Нануку». Уже во время старта погода не предвещала ничего хорошего и синоптики предсказывали шторм с сильным снегом. Я думал, что мы успеем проскочить к «Нануку» прежде, чем этот шторм разыграется как следует. Однако над Чукотской землей для меня стало ясно, что проскочить если и удастся, то будет нелегко. Ветер нордовых румбов с такой силой гнал снег и какую-то гнусную крупу, что в самолете создавалось впечатление, будто он подвергается сильнейшему обстрелу. Видимости не стало вовсе. Но это бы еще полбеды, я уверен, что мы пошли бы и по приборам, если бы проклятый мокрый снег не стал налипать на самолет. Мы превратились в какой-то летучий сугроб. Скорость катастрофически падала, и вдобавок от забившего все и вся снега стал шалить мотор...

— По моим расчетам, нам оставалось пройти пустыки до

«Нанука», так как мы уже миновали Рыркарпий с факторией Госторга. В крайнем случае, промазав мимо «Нанука», мы могли бы отыскать застрявший недалеко от него русский пароход «Ставрополь». Не слишком интересно было искать убежища у большевиков, но ведь не хуже же, чем у медведей. Тем более что и выбора-то не было. Однако пурга не дала нам возможности воспользоваться гостеприимством даже этих полудикарей. Пошла такая стрельба в моторе, что пришлось садиться тут же. Было не до размышлений. И, что самое замечательное, мы сели на морской лед вполне благополучно. Я не особенно тужил. Отсидевшись здесь от пурги, мы могли спокойно долететь до «Нанука». Двое суток мы воевали с метелью, в буквальном смысле слова вцепившись в самолет. Ветер старался швырнуть машину об лед так, чтобы не дать нам возможности когда-либо ею воспользоваться. Кое-как мы с этим справились: сильно помог нам в этом деле снег, занесший нашего «Пингвина» до половины. Мы сидели в кабине, как в снеговой пещере. Ничего, неплохо. Главное, тепло. А когда мы запустили нашу патентованную кухню, стало просто великолепно – хоть не вылезай. Однако вылезать все-таки пришлось. Метель немного стихла, и можно было подумать о старте. Пока мы возились с отгребанием самолета, ветер и вовсе прекратился. Вы представляете себе, что значит освободить самолет, доверху занесенный снегом? Уж и попотели же мы! На дворе было не слишком жарко – подходило к тридцати градусам Цельсия, а белье прилипало

к спине от пота. Потом бедняге Горланду досталось еще и от мотора. Двигатель застыл и промок. Запустить его стоило немалого труда. Но, в общем, мы все подготовили к старту и пошли на взлет, рассчитывая через часок увидеть «Нанук». Не тут-то было. Снегу навалило столько, что мне пришлось несколько раз прорунить по одному и тому же месту, чтобы хоть немного укатать дорожку для разбега. Но и тут мне не повезло. В тот самый момент, когда машина отделялась от поверхности льда, лыжа наткнулась, по-видимому, на какой-то торос. Взлететь мы взлетели, но вместо правой лыжи у нас болтались растрепанные щепки... Вот тут-то мне пришлось подумать над тем, что же делать дальше. Лететь к «Нануку» было нелепо. Сев около шхуны с такой лыжей, я все равно разобью машину и не смогу никуда двинуться – придется разделить на целую зиму общество милейшего Свенсона. Может быть, последнее и очень занимательно, старик он веселый, но меня привлекало все-таки мало. Я решил лететь обратно на Аляску для ремонта самолета. Горючего, по моим расчетам, должно было хватить...

Все шло гладко. Под нами снова прошли дымки зимовья на мысе Северном. Самих домиков из-под снега не было видно, по-видимому, и здесь похозяйничала последняя пурга. Теперь передо мной открылась тундра. Насколько хватал глаз, расстилалась гладкая равнина с пологими холмами. При этом поверхность тундры была очень слабо прикрыта снегом. Слой его был настолько тонок, что в некоторых

местах ветер совершенно оголил серую шершавую почву. В случае необходимости совершить посадку это не сулило ничего хорошего. А тут еще одно обстоятельство совершенно выбило меня из колеи. Где-то в бензинопроводе открылась течь, и, пока Горланд ее нашел и починил, бензиномер успел упасть почти наполовину. Теперь у меня не могло хватить горючего до Аляски. Нужно было избрать какую-то более близкую цель полета...

Мы как раз поравнялись с устьем реки Ангуемы. Если верить карте, то, идя по течению Ангуемы и выйдя потом на русло речки Энненакол, я пришел бы к посту Мариинскому на берегу Анадырского залива в устье реки Анадырь. Там есть радиостанция. Я решил не идти вдоль побережья Чукотской земли, а повернуть вдоль Ангуемы и пересечь всю Чукотскую землю к посту Мариинскому. Взяв курс на зюд-зюд-вест, мы пошли по течению этой речки. Оказывается, ее не так просто было отличить от окружающей местности. Снежный покров сровнял берега; река была едва приметна по извивам русла. В некоторых местах приходилось об этом русле только догадываться по легким складкам местности. Различать речку стало еще труднее, когда воздух внезапно подернулся густой дымкой и следом затем наполнился крутящимися вихрями крупного, как пух, снега. Снег бесновался у нас перед носом, закрывая все кругом и покрывая переднее стекло моей кабины толстым слоем ваты. К многочисленным обязанностям Горланда прибавилась еще одна – через каж-

дые пять минут счищать снег с переднего стекла. А потом и это не стало помогать: стоило Горланду отнять руку, как я снова ничего не видел. Подо мной ничего не осталось, кроме вертящихся узоров белой пелены, закрывшей от меня землю. Я перестал различать что бы то ни было. Попытался лететь над самым руслом, чтобы хоть что-нибудь видеть. Самолет почти задевал шасси за сугробы, и я все-таки не мог как следует отличить русла реки от соседних холмов. Так продолжалось около часа. Я начинал терять всякое представление об истинном направлении полета, когда вдруг передо мной появился высокий снежный холм. Я всем корпусом потянул рукоятку на себя, но было уже поздно. Расстояние оказалось слишком малым, чтобы даже моя облегченная машина успела набрать высоту в какие-нибудь десять метров. Огрызками шасси с остатками лыжи мы зацепили за холм. Черт его знает, что там было дальше. Моей последней отчетливой мыслью было выключить контакт, и это все, что я успел сделать, спасая себя от пожара...

Вероятно, я потерял сознание на самый короткий промежуток времени. Очнувшись, я обнаружил, что нахожусь в совершенно неприемлемом для порядочного человека положении: вишу на предохранительном поясе вниз головой. Освободившись от ремней, я первым делом должен был помочь Горланду – бедняга проткнул головой фанерную обшивку на потолке кабины и до самых плеч ушел в снег. Он был без чувств, когда я его вытащил. Вылезти из кабины удалось,

только проделав отверстие в полу, так как весь остов перекошился и смялся. Двери не открывались. Только на воздухе Горланд пришел в себя, и тут выяснилось, что у него очень повреждена рука. Немало пришлось мне с ним повозиться...

Печальную картину представлял наш самолет. Груда смятых стальных труб. Измятые листы дюрала. Расщепленная фанера. Все это годилось только на то, чтобы кое-как соорудить себе временное жилище. И, в общем, мы все-таки устроились не так плохо. В шалаше, построенном из остатков самолета, было более или менее тепло. У нас были спальные мешки. Была великолепная кухня – примус. И, главное, бензиновые баки самолета не топнули при аварии, сохранив нам достаточный запас топлива. В общем, как видите, все было в порядке. Идти мы не могли, так как от наших лыж остались щепки, и, кроме того, Горланд очень страдал из-за своего перелома. Почти совершенно не мог двигаться. Метался и стонал во сне.

На месяц мы были обеспечены продовольствием и могли ждать помощи. Вот тут-то мы и покаялись в своей глупости – радио могло бы нас спасти. А мы его променяли на возможность вывезти для Свенсона лишнюю сотню песцов. Странно – иногда человек может предпочесть несколько неверных долларов единственной возможности сохранить свою шкуру. Но только бывает это до тех пор, пока судьба вот так, как меня, не высечет хорошенько. Теперь вы у меня ни за какие блага не купите право снять радио с самолета. Ну ес-

ли оно разлетелось вдребезги не по моей вине – это другое дело, а сам я его не сниму. Теперь-то я хорошо понимаю, что снять радио, летя в эти края, – это все равно что самому себе надеть петлю на шею и зависеть потом только от того, выбьют у тебя из-под ног табуретку или нет. Дудки – больше дураков нет... Но я отвлекся... Итак, мы решили остаться некоторое время на месте; по крайней мере пока Горланду не станет лучше. В этом ожидании прошел весь ноябрь, а Горланд, вместо того чтобы поправляться, чувствовал себя все хуже. Еще через две недели передо мною встала дилемма: или смотреть, как Горланд будет агонизировать от гангрены, распространяющейся по его руке, или сделать попытку ампутировать ему руку до плеча. С Горландом я на эту тему даже не говорил – было бы наивно думать, что он доверится такому хирургу, как ваш покорный слуга. Поэтому мне пришлось идти еще более трудным путем: когда Горланд спал, я дал ему нанюхаться эфиру и тогда приступил к операции, предварительно опутав пациента ремнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.